

Столица беглых

Автор:

Николай Свечин

Столица беглых

Николай Свечин

Сыщик Его Величества #24

Коллежский советник Лыков провинился перед начальством. Бандиты убили в Одессе родителей его помощника Сергея Азвестопуло. А он привлек к поискам убийц самого Сергея, а не отослал в Петербург, как велели. В наказание Лыкова послали в Туруханский край. Оттуда участились побеги ссыльных; надо выяснить, как они ухитряются бежать из такого гиблого места. Прибыв к Полярному кругу, сыщик узнает, что побеги поставлены на поток. И где-то в окрестностях Иркутска спрятаны «номера для беглых». В них элита преступного мира отсиживается, меняет внешность, получает новые документы. А когда полиция прекращает их поиски, бандиты возвращаются в большие города. Не зря Иркутск называют столицей беглых. Лыков принимает решение ехать туда, чтобы найти и уничтожить притон...

Николай Свечин

Столица беглых

Автор благодарит Виктора Рябенко за помощь в создании этой книги, а также за самую идею послать Лыкова в Иркутск.

Глава 1

Командировка как наказание

Лыков явился к генерал-майору Курлову в тот же день, как вернулся из Одессы. Он понимал, что товарищ министра внутренних дел, шеф корпуса жандармов и заведывающий полицией на него обижен. Сыщик игнорировал прямое приказание начальника и не отстранил Азвестопуло от дознания убийства его родителей[1 - См. книгу «Одесский листок сообщает»]. Велено было прислать титулярного советника в Петербург, а тех, кто разбил головы отцу с матерью Сергея, искать в одиночку. Ну, при помощи одесских коллег, однако без ученика и помощника. Иначе, мол, получится вульгарная месть, что недостойно полицейского чиновника. Алексей Николаевич не выполнил приказ и ловил изувера Степана Балуцу вместе с Сергеем. Взяв с него слово поймать негодяя живым. И вот командировка в Одессу закончилась. Большой славы двум сыщикам она не принесла, и теперь они ждали неприятностей.

Курлов принял коллежского советника, как и ожидалось, подчеркнуто сурово:

– Ну, доложите о своих художествах.

– Что имеет в виду ваше превосходительство? – столь же подчеркнуто невозмутимо уточнил Лыков.

– А вы не понимаете?

– Видимо, не до конца. Если насчет Азвестопуло, то, как я докладывал, он был болен и не мог сразу выехать к месту службы...

– Да будет врать! – взорвался генерал. – Мне все известно! Тамошнее градоначальство уведомило, как оно происходило на самом деле. Вы посмели нарушить мое категорическое распоряжение, привлекли сына убитых к дознанию и тем самым поощрили кровную месть. На коронной службе!

Лыков молчал. Он догадывался, что градоначальник Одессы Толмачев не удержит язык за зубами. Теперь следовало менять тактику.

– Ваше превосходительство. Позвольте напомнить, что вы командировали меня в Одессу с двумя поручениями одновременно. Я должен был арестовать убийц семьи путевого сторожа Дроздова – раз. А два – я имел приказ найти изменников, передавших германским шпионам планы минирования Одесской бухты на случай войны.

– Ну, помню. И что это меняет?

– Да ничего не меняет. Я просто хочу обратить ваше внимание на то, что оба приказания выполнены. Лукьянов, один из убийц Дроздовых, сидит в камере смертников в Тирасполе. И ждет виселицы. Второй злодей, Балуца, лежит в земле. Изменники со шпионами изобличены и посажены в тюрьму, Военное министерство весьма довольно. Так ли велика моя вина, если оба дознания закончены? И трудные дознания. А без помощи Сергея Маноловича не знаю, как бы я справился... Да, ваше распоряжение мне пришлось... скорректировать. Исходя из обстоятельств, для пользы дела. Признаю. Но я бывалый сыщик, часто принимавший подобные решения в трудной обстановке, руководствуясь опытом.

Лыков помолчал чуток и продолжил:

– Говоря по правде, Павел Григорьевич, я буду так поступать и впредь.

Курлов опешил:

– И вы столь невозмутимо мне об этом сообщаете? Мне, своему начальнику?

– А что еще остается?

– Алексей Николаевич... – генерал стал подыскивать нужные слова. – Я знаю ваш послужной список, он очень достойный... В Департаменте полиции нет уголовного сыщика опытнее вас. Сложнейшие дознания только вам и поручают. Но...

Коллежский советник невежливо перебил товарища министра:

– Больше все равно некому, Павел Григорьевич. Вы уж простите мне мою вину, она не из прихоти, так было нужно, чтобы выполнить ваши же поручения. И

августейший приказ.

Генерал вспомнил, что убийц семьи путевого сторожа действительно велел поймать сам государь. И он, Курлов, в свое время с гордостью доложил Его Величеству, что чины МВД приказ исполнили. Но прощать сыщика заведывающий полицией не торопился:

– Так значит, без помощи титулярного советника Азвестопуло вы не смогли бы справиться с делом?

– С двумя делами. В Одессе существовала глубоко законспирированная секретная организация, служившая германскому генеральному штабу. Что же касается Балуды, преступный мир упорно его защищал. Это несвойственно нашим фартовым. А вот в городе акаций свои уголовные обычаи, и вышло так. Даже вдвоем мы провозились почти три месяца. Один я скорее всего торчал бы у моря и по сию пору.

– Хм... Не знаю, не уверен. Раз вы такой опытный, как сами мне только что заявили... Под вашей рукой была вся местная полиция. И как мог один человек оказаться незаменимым? Признайтесь, вы это нарочно, мне назло.

– Такими категориями, как назло начальству, никогда не мыслил. Только на пользу делу.

Генерал словно только что вспомнил и сообщил коллежскому советнику:

– Его Величество через премьер-министра Столыпина передал свое удовлетворение тем, что убийцы семьи Дроздова наказаны. И военный министр, уже мне лично, сказал, что в Одессе сделано много полезного.

– Вот видите, Павел Григорьевич, – упорно продолжил именовать генерала по имени-отчеству Лыков, – главное – это результат. Прошу поэтому и в дальнейшем разрешить мне действовать исходя из опыта и целесообразности.

Курлов откинулся на спинку кресла и неприязненно сощурился:

– Что ж, вам предоставляется хорошая возможность проявить свой опыт. Помножив его на целесообразность. Идите к директору департамента Зуеву, он даст важное поручение. Нужно провести обследование условий содержания ссыльных в Туруханском крае. Что-то часто оттуда стали бежать... Разберитесь и доложите.

– Главное тюремное управление подчиняется Министерству юстиции, при чем тут мы?

– Узнаете от Зуева, – холодно ответил генерал-майор.

– Слушаюсь, ваше превосходительство. Когда прикажете отбыть на место?

– Не позднее завтрашнего дня.

У Лыкова дернулась бровь, но он совладал с собой и сказал спокойно:

– Я не успею составить рапорт о командировке в Одессу. Кроме того, в Военном министерстве хотят обсудить со мной результаты агентурной игры.

– Хорошо, – пробурчал генерал-майор, – даю вам три дня на завершение всех ритуалов. А в понедельник чтобы выехали в Туруханск! Вместе с Азвестопуло.

Лыков вышел из кабинета злой. Вот достался начальничек... Дешевая месть обличала мелочную душу Курлова. Три месяца сыщики не были дома. У Сергея жена вот-вот родит. И на тебе, катись к Полярному кругу еще на полгода, чтобы помнить свою вину... Кретин!

Алексей Николаевич пошел на Фонтанку, 16, пешком, чтобы успокоиться. Не хотелось показывать департаментским, что товарищ министра сумел испортить настроение. Дойдя до службы, сыщик сразу явился к директору.

Зуев был не один. За столом сидели еще двое: исполняющий обязанности начальника Особого отдела коллежский советник Виссарионов и делопроизводитель Восьмого делопроизводства надворный советник Лебедев.

Василий Иванович Лебедев был давний товарищ Лыкова, хоть и занимал его место. Восьмое делопроизводство задумывал еще покойный Благово много лет назад. Задумывал как всероссийский уголовный сыск, управляющий деятельностью всех отделений в империи. Алексей Николаевич развил идеи учителя, проработал штаты, сформулировал служебные обязанности. Год назад давняя борьба МВД с Министерством финансов наконец-то закончилась победой правоохранителей. В крупных городах было создано сразу 89 новых сыскных отделений. Командовать ими уполномочили Восьмое делопроизводство, которым, по совести, должен был руководить Лыков. Однако он угодил в опалу к государыне, когда неудачно разыскивал пропавшую икону Казанской Божией Матери[2 - См. книгу «По остывшим следам»]. Императрица была известна злопамятностью. А еще безграничным влиянием на августейшего супруга. И опытный Столыпин задвинул провинившегося сыщика, отдав предпочтение Лебедеву. Случившаяся несправедливость не поколебала дружбы и взаимного уважения двух достойных людей. Хотя, конечно, осложнила их отношения в первое время.

Виссарионов был другой человек. Новое лицо в департаменте, он пришел сюда из прокурорского надзора. Полностью его должность называлась – чиновник особых поручений при министре IV класса сверх штата. Сергей Евлампиевич командовал важнейшим в структуре Департамента полиции Особым отделом и одновременно вел агентурные расходы. Наружно весьма религиозный, склонный к актерству, но при том чрезвычайно способный и трудолюбивый, Виссарионов держал дистанцию со всеми. Говорили, что он целит на должность вице-директора, но ему мешает еврейское происхождение.

Лыков застал коллег за привычным занятием: они кроили список разыскиваемых лиц под литерой «А». В этот раздел включались преступники, подлежащие, при их обнаружении, немедленному обыску и аресту[3 - Всего в документе было пять разделов. Литера «Б» – список лиц, за которыми требовалось установить наблюдение и надзор (без их ареста); «В» – сведения о неопознанных преступниках (с фотографиями); «Г» – перечень лиц, розыск которых надлежит прекращению, и «Д» – список похищенных и утраченных паспортов, служебных бланков документов, печатей и т. п.]. Большую часть их составляли политические, а меньшую – уголовные. Список обновлялся дважды в год и рассылался во все полицейские управления империи. В раздел «А» обязательно включались беглые.

– Здравствуйте, господа, – пожал три руки Алексей Николаевич. – Опять зеленые ноги[4 - Зеленые ноги – беглые из мест заключения.] заносите? Не их ли мне только что велел отыскать Курлов?

Директор недовольно воззрился на подчиненного:

– Расскажи, как ходил.

– А ты, Нил Петрович, не догадываешься?

Лыков с Зуевым давно служили вместе и были на ты.

– Послал он тебя?

– Послал, – вздохнул сыщик. Хотел кое-что добавить, но покосился на Виссарионова и промолчал.

– А нечего начальству перечить, – назидательно указал Зуев. – Меня ты уже давно в грош не ставишь, так хоть товарищ министра научит чиновничеству.

– Может, он еще и убийц ловить меня научит? – желчно парировал коллежский советник. – А то я без его руководства запутаюсь.

– Но-но, – прикинулся рассерженным действительный статский советник. – Шталмейстера не обижай. Он за нас за всех думает.

Курлов представлял редкое исключение в чиновном мире Петербурга: имел военный чин генерал-майора и придворное звание шталмейстера вместо свитского аксельбанта.

Департаментские дружно хмыкнули, потом Лебедев участливо спросил:

– Когда отбываешь?

– Дня через три-четыре, – ответил Лыков. – Как только сдам рапорт и объяснюсь с контрразведкой.

– А Сергей Манолович?

– Ему велено следовать за мной.

– Когда супруге его рожать?

– Недели через три, может, через месяц.

– Эх...

Теперь уже Лебедев покосился на заведывающего Особым отделом. Но не удержался и продолжил:

– Хоть бы ему дал дома пожить, ребеночка дождаться.

– Я бы сам не прочь дома пожить, отдохнуть от гостиничной вони и трактирной пищи.

– А ты знал, на что шел, когда противился Курлову, – возразил директор. – Так что теперь молчи.

Наконец Виссарионов сменил тему:

– Второй год составляю эти списки, а они все толще и толще делаются.

– Верно подмечено, – согласился Алексей Николаевич. – Я их уже двадцать лет верстаю. Помнится, сначала умещались на десяти страницах. А теперь как «Война и мир»... Нил Петрович, что за спешка такая с Туруханским краем? Кто оттуда сбежал, если надо бросить все дела и ехать смотреть условия надзора?

Зуев наморщил лоб:

– А ведь кто-то знатный утек... Как бишь его? Африкант Силин. И с ним еще трое.

Африкант Силин по кличке Африканец был известный в центральных губерниях налетчик, получивший каторжные работы с последующим водворением на

поселение в отдаленные местности Сибири. Но таких по Руси – батальон... Почему из-за какого-то гнуса надо отрывать немолодого и заслуженного человека от дома?

– И все? Экая важная птица упорхнула... Что-то ты, Нил Петрович, не договариваешь. И почему я, чиновник МВД, еду проверять епархию Министерства юстиции? Курлов сказал, что ты объяснишь мне загадку.

Директор департамента бросил на сыщика раздраженный взгляд:

– Чего привязался? Все равно тебе ехать. Даю три дня для написания отчета о командировке в Одессу. Больше не могу, сам понимаешь. Курлов будет за тобой приглядывать. Зачем гуся дразнил? А то не знал характер его превосходительства!

– Но не выдумал же он эту поездку в Туруханск только для того, чтобы наказать меня за строптивость! – воскликнул коллежский советник.

– Нет, конечно. Просто до государя дошло истинное состояние дел с нашей ссылкой. Какой-то расторопный болтун сообщил, что треть ссыльных постоянно находится в безвестной отлучке. Что бегут тыщами. Что Сибирь зеленые ноги терроризировали дальше некуда. И Его Величество повелели дать детальный отчет по этому вопросу. От нашего ведомства, в обход Минюста. Причем с рекомендациями, как исправлять! Чуешь?

Лыков погрузился. Очередное высочайшее поручение, на котором орденов не заслужишь, а шею свернуть можно запросто. «Ссылный вопрос» болезненный, там давно надо наводить порядок, а государство на это уже не способно. Хорошего решения нет, а плохое лежит на поверхности: усилить репрессии. Придется съездить в Туруханский край, посмотреть, как люди там умирают или бегут от невыносимых условий жизни. А потом вернуться в столицу и предложить еще сильнее затянуть гайки?

Виссарионов почесал свой знаменитый местечковый нос и сказал, словно приглашая обсудить:

– Странно все же. Приняли закон, отменили уголовную ссылку. Думали, станет лучше. А что получилось? Ничего хорошего не получилось. Почему так, господа?

Он имел в виду закон от 12 июня 1900 года «Об отмене и ограничении ссылки в Сибирь». Заселение отдаленных земель преступным элементом всегда создавало множество проблем. Ссылные не имели способов содержать себя честным трудом. В глухих лесах и на берегах великих рек просто не было такой возможности. Пособие от казны, само по себе недостаточное, полагалось не всем. И люди начинали пьянствовать, воровать и грабить местное население.

Закон от 12 июня отменил самый массовый вид ссылки – уголовную, то есть ссылку на жительство и на поселение как наказание за уголовные преступления. Вместо этого теперь назначали лишение свободы в исправительных арестантских отделениях. Или, проще говоря, в тюрьмах. Перестали ссылать в Сибирь и за бродяжничество, бродяг теперь тоже сажали в тюрьмы. Кроме того, раньше крестьянские и мещанские общества имели право отправлять в Сибирь своих негодных членов, изобличенных в порочном и развратном поведении. Теперь этих негодяев начали переводить в соседние волости, а не гнать за Урал. В результате количество высылаемых снизилось на 85 %. Остались только ссылка на каторгу с последующим поселением, а также ссылка за политические и религиозные преступления.

– Это все пятый год, – не удержался от комментария Зуев. – Уголовных теперь мало, тон в Сибири задают политические. А меж них, в свою очередь, больше всего солдат, осужденных за бунты. И всяких булочников, сапожников и печатников, рядовых деятелей социал-демократов. Прежней интеллигенции, страдающей за народ, теперь днем с огнем не сыщешь, они все живут в Швейцарии.

– Кто же тогда бежит? – поворошил на столе бумаги Лебедев. – Вон их сколько. Это ваши пекари да солдатики?

– А вот Алексей Николаич съездит туда, а потом нам расскажет.

Чиновники потребовали чаю и еще час разбирали приготовленные списки. Лыков сидел сбоку и помогал советами. Идти в кабинет не хотелось. Там его ждал Азвестопуло. Как сказать Сергею, что он через три дня уезжает к Полярному кругу?

Но делать было нечего. В очередной раз Алексей Николаевич подавил в себе злость на начальство и отправился огорчать помощника.

Глава 2

По Енисею

Лыков с Азвестопуло сошли с поезда в Красноярске, помятые и уставшие от семидневной езды. В пути они разделили обязанности. Алексей Николаевич взял на себя самую трудную часть командировки – он собрался обследовать Туруханск. Для этого ему предстояло спуститься по Енисею на полторы тысячи верст. А у села Монастырское свернуть в речку Туруханку и подняться по ней на тридцать пять верст, в непроходимые болота. При удачном ходе дела поездка должна продлиться почти месяц. Причем непосредственно обследование можно было завершить за два-три дня, а все остальное время съедала дорога.

Помощнику Лыков отдал что полегче: изучить ближние, южные уезды Енисейской губернии – Минусинский и Ачинский. В среде ссыльных поселение там считалось чуть ли не курортом. Сергей должен был управиться за неделю и быстро вернуться к жене. Авось успеет к родам. В его отсутствие надзор над Марией взяли на себя опытные дамы: Ольга Лыкова-Оконишникова и баронесса Таубе.

Красноярск – живописный город на левом берегу Енисея. С трех сторон его обступают горы. Но полицейским было не до красот, они торопились. Плыть вниз лучше всего на пароходе, а судоходство развилось слабое, пароходы к Монастырскому ходили редко. Лыков бегом отправился к губернатору, но того не оказалось. Прежний, Гирс, уже убыл, а его преемник Бологовский еще не вступил в должность. Ехал-ехал из Риги, где прежде начальствовал над Лифляндской губернией, и до сих пор не приехал... Алексея Николаевича принял вице-губернатор Миллер. От него питерец узнал, что опоздал на пароход. Три дня назад отплыл «Мономах» с партией новых ссыльных. На судне имелись каюты для пассажиров, пусть и второго класса. Следующий рейс не скоро, поскольку в Туруханск ходит только этот пароход, других нет.

– И что делать? – расстроился коллежский советник. – Когда он вернется, через три недели?

– Примерно, – ответил Миллер. – Но есть способ его догнать. Наймете илимку, это такая лодка. И в путь. При хорошей погоде настигнете «Мономах» где-нибудь в Анциферовской волости и пересядете. Только надо действовать быстро!

– А моего помощника устроите?

– Поручу полицмейстеру, он распорядится, – ответил вице-губернатор. – А вы тотчас ступайте в полицейское управление, пускай вас снарядят.

Так Лыков остался один. Нужно было спешить, и он даже не ночевал в гостинице. Командированный едва успел купить в дорогу чаю, сахара и водки. Уже через пару часов помощник красноярского полицмейстера усадил его в большую плоскодонную илимку, наказал команде стараться и взял под козырек. И лодка отправилась в путь.

Алексей Николаевич впервые плыл на таком экзотическом транспорте и с любопытством смотрел по сторонам. В попутчики ему достался штабс-капитан резервных войск Сухобрус, который возвращался к себе на кордон. Офицер давал питерцу пояснения.

Перво-наперво гостя удивил экипаж илимки. В нем было четыре гребца и рулевой. На веслах сидели бабы и девки, а единственный мужчина правил. Слабый пол оказался весьма даже сильным: крепкие чалдонки быстро гнали большую лодку по течению. Рулевой, жилистый и коричневый от загара, едва успевал маневрировать. Енисей возле Красноярска не набрал еще ширины, но несся на север стремительно.

Посреди илимки была устроена будка из ивовых прутьев, в которой расположились пассажиры. На корме повизгивали четыре собаки.

– А они зачем? – спросил сыщик у штабс-капитана.

– Как же! Это вниз легко лететь. Особенно когда поднимется попутный ветер и можно будет поставить парус. А вверх другое дело – тяжело против течения. Вот тогда собаки и пригодятся. Они потащат илимку, как бурлаки – по берегу, на веревках. А чалдоны пойдут пешком.

– Вот скажите, к слову – что за люди ваши чалдоны? – начал от скуки длинный разговор питерец. – Я имел с ними дело в Забайкалье, а здесь они какие-то другие.

– Не знаю, как на той стороне Байкала, а у нас думают так: чалдоны – это коренные сибиряки. То есть те русские, что сотни лет назад пришли сюда. Некоторые фамилии ведут свой род от Ермака и его есаулов, чем очень гордятся. Проверить родство, правда, нет никакой возможности, и скорее всего тут вранье, легенды. Почему-то считается, что казаки Ермака пришли с Дона. Про них так и говорили: человек с Дона. Потом со временем сократилось до чалдона, такое объяснение. Глупость, но верят. Народ крепкий, самостоятельный. Охотники, рыболовы, таежные следопыты. Одно плохо – сильно пьют. Что мужики, что бабы. Русских с той стороны Урала, переселенцев, чалдоны презируют и называют лопотонами.

– А почему бабы сидят на веслах, а этот прохлаждается у руля?

– Здесь так принято, – пояснил Сухобрус. – Они и на медведя ходят, честное слово! Смелые...

– А где, по-вашему, мы нагоним «Мономах»?

Штабс-капитан неопределенно указал рукой вперед:

– Поздно выступили, до Енисейска, уездного города, не догоним. Придется проскочить мимо. Жаль, там хороший есть трактир... А может, заглянем?

– Мне надо на пароход успеть.

– Мы на часок всего. Провизии так и так нужно прикупить. А пароход нагоним уже в Анциферове. Это большое село, волостное.

– Провизии-то зачем? – удивился Лыков.

– Вам, может, и незачем, а мне на пароходе не плыть и из его буфета не столоваться. До Ворогова на одной ухе не дотяну.

- Почему вам на пароходе не плыть? Там же удобнее. Вы офицер.

Сухобрус мотнул головой:

- То-то и оно, что офицер. На пароходе нужно за билет платить. А илимка бесплатно отвезет. Чалдоны обязаны доставить, кровь из носу. Это их обязанность: возить по реке почту и людей. Взамен жители прибрежных станков освобождены от воинской повинности.

Лодка продолжала нестись полным ходом. Рулевой вывел ее на середину Енисея, подальше от коряг и камней. Левый берег реки был низменный, а правый - высокий. На воде не обнаружилось никаких других лодок - пустая река, сколько видит глаз. Берега тоже выглядели ненаселенными, и от этого на душе делалось как-то угрюмо.

- Тут еще что, - заметил настроение питерца штабс-капитан. - Леса хорошие, красиво даже. А как спуститесь в Туруханский край, начнется. Болота да болота, ельник низкий, убогий. Комаров несчетное количество. Вы, кстати спросить, накомарник-то с собой взяли?

- Догадался.

- Поди, кисейный?

- Нет, из конского волоса.

Штабс-капитан посмотрел на попутчика с уважением:

- Бывали здесь раньше?

- Здесь впервые, а бывал в Забайкалье, я же говорил. Комары везде бич, что там, что тут. А от мошки никакой накомарник не спасет...

Потом они долго плыли молча, пока Алексей Николаевич не спросил, куда держит путь штабс-капитан.

– Есть такой станок – Ворогово, – ответил тот. – Он охраняет границу между Енисейским уездом и Туруханским краем. Там военный кордон, которым я командую. Сам край начинается от знаменитого Осиновского порога, который ваш пароход должен будет прошмыгнуть. А это не всегда удается...

– Что за кордон? Беглых ловите?

– Точно так, Алексей Николаевич. По тайге ходить, где вздумается, нельзя, попадешь на заломы – и застрянешь...

– Заломы – это вывал леса? – сообразил Лыков.

– Угу. Бывает, что они тянутся на версту, и стволы лежат в два-три слоя. Ураган как саблей срубил. Такую баррикаду не перелезешь и не обойдешь. А если даже попытаешься, угодишь на болото или гарь. Так что с тропы никуда не свернуть. Тропа – вдоль берега, на тропе – наш кордон. Беглому другой дороги нет.

– А по реке?

– И там кордон! Все лодки и пароходы причаливают, мы их осматриваем, проверяем документы, грузы.

– Судно обыскиваете или только бумаги глядите?

– Теперь обыскиваем, – заявил штабс-капитан. – А то в прошлом году был случай: трое беглых спрятались на «Мономахе» в якорном ящике. И доплыли до Енисейска, сволочь. Команда помогала!

– И как вы об этом узнали?

– Да их поймали потом: одного – в Иркутске, а двоих – в поезде, по пути в Москву. Они и рассказали. Теперь я строго за этим слежу, все потайные места велю проверять.

– Еще как убегают ссыльные? И правда ли, что зимой побеги абсолютно невозможны?

– Зимой да, совершенно нельзя. Замерзнешь или от голода пропадешь. А то тунгусы по следам отыщут и приведут к стражникам, им за это премия полагается. Зимой – никак.

– А летом кому-то удастся?

Сухобрус вздохнул:

– Вы же не из простого любопытства спрашиваете?

– Служба такая, Иван Остапович. Я бандитов ловлю-ловлю, а они потом опять возникают. Вот начальство и послало узнать, как это происходит. Будьте добры ответить.

– Летом, конечно, проще утечь. Но тоже не всякому удастся. Вот попадете в Туруханск, сами увидите. Городок словно на острове: с одной стороны – речка, с другой – озера да болота. Деться некуда.

– А как же тогда сбежал Африкант Силин? – задал давно подготовленный вопрос сыщик.

– Силин? Это который после каторги прибыл на поселение? Налетчик?

– Он, сукин сын.

Штабс-капитан опять мотнул головой:

– Черт его знает... Говорили, что через Карское море сдернул.

– А это возможно?

– Теоретически – да. Там ниже Монастырского есть станки Индигирка и Диксон. В них заплывают иногда норвежские пароходы. Они могут взять на борт беглого. Теоретически.

– А достоверные такие случаи вам известны? – продолжал расспросы коллежский советник.

– Говорят, что того... было раз-другой. А правду кто скажет? Такие вещи держат в секрете. Однако...

Офицер запнулся. Лыков ждал: у него возникло ощущение, что собеседник сейчас сообщит что-то важное.

– Мы между собой обсуждаем иногда. Ну, стражники. И такое есть мнение, что кто-то им помогает.

– Им – это беглым? – уточнил питерец.

– Да. Смыться из Туруханского края нельзя, я вам уже говорил. Край огромный, по площади как четыре Германии. А живет в нем всего десять тысяч человек. Отошел в сторону от тропы – и пропал. А на тропе – кордон, тоже пропал. Но ссыльные все равно бегут. И не всех мы потом находим живыми или мертвыми.

– Кто же им помогает? Тунгусы? Чалдоны? За деньги вполне возможно... – рассудил Лыков.

– За золото еще, – добавил штабс-капитан. – Недалеко от Назимова есть прииски, туда кого попало берут, паспорта не спрашивают. А то можно его, золотишко, самому намыть, хищническим способом. Если повезет или знать места.

– Деньги... – повторил коллежский советник. – Откуда они у ссыльного? И сколько может стоить побег из Туруханска?

Сухобрус пожал плечами:

– Сам не бегал, не знаю. Но несколько сотен придется отдать, навряд ли меньше. А откуда такая мощна у поселенца, тут все ясно. Товарищи с воли помогают.

– Допустим, я достал три-пять сотен. Дальше что?

– Дальше ищите помощника из местных. Который проведет до Монастырского, а еще лучше спустит вниз по Енисею. Например, на такой вот илимке при помощи собак.

– Но ведь ссыльные обязаны отмечаться у стражника.

– Раз в неделю он приходит, – отмахнулся штабс-капитан. – Да и то можно соврать: или рыбу ловить нанялся, или телеграфную линию починяет, а то в соседний станок двинул, в картишки перекинуться с другими ссыльными.

– Про линию не понял, – остановил попутчика Лыков.

– Видите, вон она вдоль берега тянется. И так до Диксона. Чуть не две тысячи верст. Столбы надо подправлять, менять, усиливать. Почтово-телеграфное ведомство за это платит. Ремонт телеграфа – исконное занятие ссыльнопоселенцев, чалдоны никогда за него не берутся. Им надо, пока лето, рыбы и мяса заморозить, ягод да грибов набрать. У иного запашка есть, особенно южнее, там рожь кое-как да вызревает. Вот ссыльным и поручают, других рабочих рук здесь нет.

– Хорошо, – согласился Алексей Николаевич, – я достал деньги и нашел помощника. Обманул стражника с урядником, которые считают, что я подправляю телеграф и скоро вернусь. Сколько они так будут думать?

– До осени могут.

– Дальше что?

– Дальше верный чалдон везет вас вверх по Енисею. Докуда получится.

– Я попадаю на ваш кордон в этом, как его?

– В Ворогове, – подсказал штабс-капитан.

– Как же я там проскочу через стражников?

- Нет ничего невозможного. Старшим в карауле стоит унтер-офицер. Их у меня в отряде четверо. Вроде бы порядочные, службу знают. Но ведь в душу не заглянешь. Дадут ему полсотни, это его жалованье за полгода. Как он устоит? А если больше сунут? То-то...

Лыков не унимался:

- Проскочил я Ворогово. Сколько мне идти дальше?

- До Енисейска пятьсот верст, но беглому туда не надо, там его поймают. Беглому нужно в большой город, где можно затеряться и где железная дорога.

- То есть в Красноярск, - констатировал сыщик. - А до него тысяча?

- От Ворогова? Да.

- И как прячущийся от всех человек преодолеет эту тысячу верст? На берегу пусто, каждая душа на виду. А он ясно, что нездешний.

Сухобрус думал недолго:

- Ссылнопоселенец имеет право на отлучку с разрешения начальства. Для приискания заработка, например. Или в город к доктору. Сооруди документ и маши им, где надо. Подпись туруханского царя Булевского подделать нетрудно.

- Это приставу так фамилия?

- Да.

Лыков стал загибать пальцы:

- Деньги - раз. Помощники из местных - два. Фальшивые документы - три. Что еще нужно, чтобы успешно сбежать отсюда?

- Тайные квартиры в больших городах.

- Пристанодержатели - четыре. Все?

- Нет, не все, - ответил штабс-капитан. - Рано или поздно станет известно о побеге. По телеграфу сообщат фамилию и приметы. И тогда отчаянному человеку нужно будет где-то отсидеться. Сменить наружность, обзавестись новыми документами, купить билеты на поезд. То есть не день-два прокантоваться в притоне у воров, а месяц или больше. Чуете?

Лыков понял, что нащупал важную нить:

- Меблирашки, где не спрашивают прописку? Таких нет. Рано или поздно околоточный все равно придет. Или вы, Иван Остапович, имеете в виду нечто другое?

- Другое, Алексей Николаевич. Давно об этом слухи ходят, по крайней мере у нас здесь. У вас в Петербурге - не знаю.

- О чем слухи?

- Будто есть где-то в Восточной Сибири санатория для беглых. Так мы ее промеж себя называем.

- Где-то в Восточной Сибири... - задумчиво произнес Алексей Николаевич. - Но не здесь, на Енисее?

- Здесь нельзя, мы, стражники, сразу увидим. Надо поближе к железке, но не в полосе отчуждения, а на некотором удалении. Чтобы людей вокруг было мало. Но при этом имелись лавки, амбулатория, баня, свежий хлеб, продажные девки, галантерейный магазин с готовым платьем. Ничего этого здесь нет, а есть вокруг больших сибирских городов: Тобольска, Красноярска и Иркутска. Лично я думаю, что... что санатория, если она действительно существует, спрятана под Иркутском.

Коллежский советник насторожился:

- Почему именно там? Были сигналы?

– Не то чтобы сигналы, но слухи ходят давно, – признался Сухобрус. – В прошлом году из Туруханского края сбежали семнадцать человек, десять политических и семеро уголовных. Беру лишь тех, кого не поймали и мертвого в тайге не нашли. Куда они делись? Как сумели просочиться? Не на воздушном же шаре улетели. Без сильной поддержки невозможно, я объяснял почему. Значит, кто-то им помогает. И этот кто-то при власти околачивается. Провел мимо кордонов, приставов с урядниками, станционных жандармов. Но ведь опытный полицейский подозрительного человека увидит сразу. А тут не разглядел. Как так? В лапу дали, он и не разглядел.

– Но вы сказали про Иркутск...

– Да! Иркутск подходит лучше других. Там места глухие, на севере почти безлюдные. Но уже благоустроенные, баню с девками найти – не проблема. Железная дорога, опять же. Ссылнопоселенцы бродят толпами, да на законных основаниях. Строят Амурскую колесуху[5 - Колесуха – Амурская колесная дорога, для строительства которой в 1909 году набиралось большое количество рабочих.], тянут второй путь железки[6 - В 1909 году Сибирская железная дорога еще была однопутной.], на золотые прииски большой набор, на ангарщину не меньше – есть где затеряться.

– Ангарщина что такое?

– Рыбный промысел на севере Байкала, возле устьев рек Верхняя Ангара и Кичера. Дикие места. С мая по ноябрь там куча народу кормится; ссыльные, бродяги, беглые каторжники – все в дело идут. Полиции не бывает, условия жизни адские, поэтому нанимается сброд, кого в другие места не возьмут.

– А вы откуда знаете про ангарщину? – удивился Лыков.

– Я там служил, в Пятом Иркутском резервном батальоне. Его во время войны с японцами в полк переверстали, а тогда был батальон. Ну и того... иркутские обычаи не забыл. Самый страшный в Сибири город, скажу я вам. А может, и во всей империи. Даже днем могут жизни лишить за полушку. В том же Красноярске не в пример спокойнее.

Коллежский советник осмыслил услышанное и сказал:

– Иркутск называют столицей беглых. Сам я был там проездом и давно, ни подтвердить, ни опровергнуть не могу. Неужели так плохо?

– Собственно город приличный: театр есть, Ангара красивая, имеется несколько нарядных улиц. После бедственного пожара тысяча восемьсот семьдесят девятого года, когда выгорела лучшая часть, запретили в центре деревянные дома, и наш Иркутск похорошел. Но... Он действительно столица беглых. Весь сброд тянется почему-то сюда.

– Странно, полицмейстер в отчетах об этом молчит.

– А чего ему молнии на голову привлекать? – усмехнулся штабс-капитан. – Я тоже начальству не все рассказываю. А вы разве не так?

– Я чиновник особых поручений Департамента полиции, бумаг пишу мало, все больше тащу и не пуцаю. В том смысле, что в командировках постоянно.

– А... Повезло вам со службой, Алексей Николаевич. Бумаг мало. Я вот мелкая фигура, а и то замучили отчетами. Сейчас вся Россия пишет и в Петербург шлет, скоро засыпят его по самый шпиль Петропавловского собора.

– А подсказки какие-нибудь есть у вас, Иван Остапович? Возьмут да отправят меня в Иркутск сразу выкорчевывать. Или я сам попрошусь.

Сухобрус внимательно посмотрел на сыщика и предостерег:

– Самому туда проситься не надо.

– Почему?

– Уж поверьте мне, Алексей Николаевич, что не надо. Дались вам эти беглые...

– Если на то пошло, то дались, – взъелся коллежский советник. – Ловишь их, ловишь, а потом лыко да мочало, начинай сначала! Прибить этой гадине голову гвоздями к собственной спине, ей-ей руки чешутся.

– Они сами кому хочешь прибьют. Особенно кавказцы.

– Кавказцы? В Иркутске?

Штабс-капитан невесело рассмеялся:

– Их там больше, чем в Кутаисской губернии.

– Поясните.

– Эх... После войны я там уж не был, но от батальонных товарищей знаю: ничего не изменилось. Все так же на улицах режут и грабят. Особенно отличаются в этом подвиге грузины. Исстари в Иркутск ссылали оттуда всякую шваль. И довели до того, что сейчас кавказцы творят на Ангаре, что хотят, и управы на них нет.

– А полиция?

– Куплена, судя по всему.

В разговоре возникла долгая пауза. Лыков обдумывал услышанное. В департаменте тоже давно подозревали, что где-то за Уралом есть «номера для беглых». Они появились три-четыре года назад. Сыскные заметили, что преступники крупного калибра стали реже попадаться. А в случае проверки документов предъявляли подлинные бумаги на чужие фамилии. Недавно внимание Алексея Николаевича на это обратил его приятель Запасов. Сыщик сдружился с жандармом, когда дознавал железнодорожные кражи в Москве[7 - См. книгу «Узел»]. После успешного завершения дела Дмитрий Иннокентьевич был произведен в полковники «не в очередь» и получил повышение. Теперь Запасов командовал Нижегородским ЖДЖПУ[8 - ЖДЖПУ – железнодорожное жандармско-полицейское управление.]. Месяц назад его подчиненные изловили в поезде, едущем из Сибири в Петербург, опасного финляндского сепаратиста. Тот сбежал из Акатуя в кандалах и арестантском халате. А попался в богатой чесучовой тройке, с карманами, набитыми деньгами. Еще с измененными приметам и заграничным паспортом. Как произошло столь чудесное превращение?

Сухобрус назвал номера для беглых санаторией, что сути не меняло. Сибирь наводнена этим беспокойным элементом, счет идет на десятки тысяч. А до

введения закона от 12 июня 1900 года в бегах находилось сто тысяч человек! Закон уменьшил количество ссыльных в разы, теперь статистика не такая удручающая. Но все равно дело плохо, и с каждым годом все хуже. На последнем совещании у Зуева возник разговор: найти бы притон и разорить его. Ясно, что местная полиция не справится, ее запугают или купят. И вот сейчас Лыков в Сибири. Когда еще сюда попадешь? Воспользоваться оказией и попробовать разобраться? А надо ли? Как говорили ему в полку: от службы не отказывайся, на службу не напрашивайся. Старый армейский закон. В нем вековая мудрость. Потом, в чужой земле порядка не наведешь. Лишь дурак может думать, что он приедет на месяц и все наладит. Если здешняя полиция бессильна, значит, на то есть серьезные причины. Никакой варяг их не устранил. И что делать?

С другой стороны, терпеть ситуацию было уже не вмоготу. Алексея Николаевича разбирала злость. Раз за разом повторялось одно и то же: злодея с трудом изымали из общества, запирали в Сибирь, а он вскоре выныривал снова. И опять грабил и убивал. Ладно, сейчас сыщику надо разобраться с Туруханском. Есть время подумать... Но уж больно удобный момент: он недалеко от столицы зеленых ног. Закончить здесь, на Енисее, и перебраться на Ангару. Повод всегда можно найти. Например, формально это будет инспекция сыскного отделения иркутской полиции. Новых отделений открыли чуть не сотню, и хорошо бы проверить, как там обстоят дела. А Курлову с Зотовым объяснить по телеграфу истинные цели командировки. Нил Петрович – опытный человек, сразу поймет и одобрит. Люди калибра Лыкова в Сибирь попадают не каждый год. А шталмейстер будет только рад, что опальный сыщик сам себе придумал трудное поручение.

Сплав по реке продолжался до темноты. Питерец торопил лодочника и заставил того поднять парус. Илимка полетела, как на крыльях. Заночевали путники в селении Нахвальском, в доме волостного старосты. Спали всего пять часов, а ранним утром опять помчались вниз. Плыли целый день и не встретили даже шитика[9 - Шитик – плоскодонная лодка, крытая в середине. Корпус лодки был сшит ремнями или прутьями.]. Заночевали в станке Каргино, возле того места, где в Енисей впадала Верхняя Тунгуска[10 - Верхняя Тунгуска – старое название Ангары в нижнем течении.]. Местные жители сообщили, что «Мономах» останавливался тут сутки назад, выгружал провиант для ссыльных. Лыков велел еще поднажать...

На третий день плавания еда, взятая в Иркутске, закончилась. Волей-неволей требовалось заглянуть в Енисейск. Город открылся в прогале тайги по левому берегу. Потом долго его не было видно из-за леса, и только через час лодка причалила.

Енисейск, по сибирским меркам, оказался крупным городом. Девять каменных храмов, гостиный двор, монастырь, две полные гимназии – мужская и женская. Имелись даже публичная библиотека и книжная лавка. Прежде тут находилась столица пушной торговли, и местечко процветало. Однако удаленность сыграла с ним дурную шутку. Уж больно удобно оказалось ссылать сюда ненужных людей. Еще в семнадцатом веке девять лет тут провел протопоп Аввакум. Затем пришла очередь декабристов – Якубовича, Фонвизина, Шаховского. Их сменил Бутаевич-Петрашевский, а последнего – Елпатьевский. К началу двадцатого века Енисейск сильно сдал. Сибирская железная дорога прошла южнее, через Красноярск, и забрала отсюда всю жизнь. Разъехались иконописцы, составлявшие прежде славу Енисейска. И теперь это был просто грязный убогий городишко...

Лыков воспользовался своим старшинством в чине и торопил штабс-капитана Сухобруса. Как тому ни хотелось задержаться в цивилизации подольше, уже через четыре часа илимка снова двинулась в путь. Господа успели помыться в бане у исправника, пообедать и слегка напиться. Коллежский советник подарил спутнику бутылку рябиновой на коньяке, чтобы не очень брызжал. Сам тоже запасся этим благородным напитком. Лодка шла всю ночь, пробираясь в темноте, и утром оказалась в Анциферовой деревне. К радости сыщика, он увидел там пароход. Догнали!

«Мономах» уже собирался отчаливать, когда коллежский советник дружески простился с Сухобрусом и поднялся на борт. Иван Остапович чуть не прослезился – ему не хотелось расставаться с щедрым попутчиком. Обе каюты второго класса оказались пусты, пассажиры сошли еще в Енисейске. А тут целый полковник и до конца плавания. Алексей Николаевич своими тремя червонцами резко улучшил экономику рейса. Он с комфортом расположился у окна, окружил себя батареей пивных бутылок, заказал уху из осетров. Хорошо...

Снова мимо потянулась тайга. Окна лыковской каюты были по правому борту, там, где высокий и живописный берег. Сыщик отдыхал от неудобств трехдневного сплава в илимке и обдумывал планы на будущее. Ехать добровольно в Иркутск или нет? И как быть с Сергеем? У того жена рождает, он

мечтает скорее вернуться в Петербург. А тут шеф сам напросился на долгую командировку аж к Байкалу. Бросить его одного Сергею будет неудобно. Да и для дела два сыщика лучше, чем один. И возникает вопрос: есть ли у Лыкова право так осложнять жизнь своему помощнику?

Пароход шел быстрее лодки, зато чаще останавливался. Анциферово командированный осмотреть не успел, а другие местечки оказались совсем уж невзрачными. Михалево и Гурино – по пять изб, Холмогорово – семь, а в Шадрино целых четыре... Только Назимово со своими тридцатью избами и мелочной лавкой выделялось из этого унылого ряда. Капитан, не знавший, как ублажить знатного пассажира, взял на себя функции чичерона. Он пояснил Лыкову, что через Назимово идет снабжение всем необходимым золотых приисков. И дальше столь больших селений не будет до самого Монастырского.

По левому берегу бесконечно тянулись леса. Анциферовская волость! Площадь больше Франции, а народу живет меньше, чем в Арзамасе.

Наконец показался небольшой станок с часовым на берегу возле бревенчатой казармы. Это было знаменитое Ворогово, граница с Туруханским краем и вотчина штабс-капитана Сухобруса. Дальше – Осиновский порог, о котором Иван Остапович говорил, что не всякий проскакивает его благополучно.

«Мономах» пробыл на кордоне полдня. Чинили что-то в машине, готовились к рискованному броску. Коллежский советник от нечего делать осмотрел кордон. Полурота солдат резервных войск, будка телеграфиста, девятнадцать домов обывателей. Ссылных ни одного, чтобы не могли подсобить товарищам проскочить караулы. Питерец отбил экспресс директору департамента (так и так, все по плану). Истребил на пароходе большую сковородку тагунков – мелкой енисейской рыбешки размером с кильку, но очень жирной и вкусной. И лег спать среди дня. А когда проснулся, страшный порог уже остался позади. Капитан рассказал, что возле левого берега есть узкий проход, где вымыло каменную гряду; в него и проскочил «Мономах». Так Лыков оказался в Туруханском крае.

После теснины Осиновского порога Енисей принял в себя Подкаменную Тунгуску и сделался вдруг невероятно широким. От берега до берега в нем стало пять верст – как три Волги! Пейзаж изменился в худшую сторону, согласно обещаниям Сухобруса. Деревья не такие высокие, между ними разрывы болот, в воздухе пахнет гарью и носятся клочья белого дыма. Тот же чичерон сообщил, что здесь всегда так. Лес горит каждое лето, никто его не тушит – некому. По

воде мимо борта потянулись тушки мертвых белок, сотни и сотни. Животные спасались от огня, прыгая в реку, и тонули. Показались несколько лосей, пытавшихся переплыть на другой берег. Матросы махнули рукой – навряд ли получится... Далее боролись с течением медведица и два медвежонка. У этих шансы спастись были больше – звери пробивались к острову посреди Енисея.

– Доплывут, – утешили пассажиров те же матросы. Они спустили шлюпку и стали собирать с воды мертвых белок – на шкурки. А Лыков уселся к окну и снова задумался над своими делами.

Опять замелькали станки с непонятными названиями: Сумароково, Инзырьевская, Бахтино, Мирная, Чулковская, Долгоостров, Искупая, Верхнеимбатская... Сумароково являлось складочным местом для скупки у населения рыбы. Буфетчик купил там нельму свежего копчения, и весь пароход пропах ею.

Итак, Лыков в Туруханске. Площадь края – 1 659 010 квадратных верст. Это больше, чем Германия, Австро-Венгрия и Франция, вместе взятые. На севере он выходит к Ледовому морю, как арестанты называют Северный Ледовитый океан. Алексей Николаевич впервые оказался в этих местах, и многое его удивляло. Вдруг на небе появились три солнца! Одно главное, а по бокам, справа и слева – еще два, менее ярких и соединенных со средним радужными лентами. Что за чудеса? Питерец побежал к капитану. Тот равнодушно ответил: здесь всякое бывает, такие широты...

Наконец, когда плавание надоело Лыкову окончательно, справа показалась на горе белая церковь, а под ней горсть домов с плоскими, как по всей реке, крышами. Это было село Монастырское, последний пункт на Енисее. Отсюда командированному надо плыть уже по другой реке, Турухану. Всего-то тридцать пять верст, зато против течения.

Алексей Николаевич знал от капитана, что «Мономах» простоит в селе полдня, а потом двинется в административный центр края. До самого города он подняться не сможет – Турухан сильно обмелел. Пароход выгрузит пассажиров, где придется, и верст десять-двенадцать придется идти пешком. После девяти суток непрерывного плавания сыщику это было даже в охотку. Он сошел на берег – и тут же подбежал коренастый мужчина в полицейском мундире с петлицами пристава:

– Ваше высокоблагородие! Туруханский отдельный пристав надворный советник Булевский. Позвольте приветствовать вас на вверенной территории.

Глава 3

Туруханск

Полицейские чины двинулись вверх по горе в сторону храма. Позади стражник тащил багаж командированного.

– Желаете сразу в баню? – тактично поинтересовался пристав. – Натоплена к вашему прибытию.

– Вот спасибо! Давайте и впрямь с нее начнем, а то я чуть не одичал, покуда плыл. Вас как зовут?

– Лев Фердинандович, ваше высокоблагородие!

Булевский шел, будто палку проглотил: спина прямая, голос преданный, с придыханием. Чует вину, пытается загладить...

– А меня Алексей Николаевич. Давайте по-простому, без китайских церемоний.

– Слушаюсь!

– Нельзя ли задержать пароход, чтобы он не ушел без нас в столицу края?

«Туруханский царь» смешался:

– Так мы уже в ней.

Лыков даже остановился:

– Простите, не понял. Мы в селе Монастырское, а я имел в виду заштатный город Туруханск.

– Извольте ли знать, упомянутый вами город того... Центральное управление краем оттуда переехало. Сюда.

– Как переехало?

– После пожара в пятом годе восстанавливать сочли нецелесообразным. Перенесли все в Монастырское, и теперь, стало быть, головка здесь. Пока неофициально, и не все еще перебрались, однако...

– Что за пожар?

– Так вам в Красноярске не объяснили? – удивился пристав. – В июне мы переехали. Здание полицейского управления, тюрьму – заново отстроили. Из четырех лавок, что были в городе, три переместились следом за администрацией. К зиме достроим больницу, тоже сюда переведем. Жители почти все Туруханск покинули, оседают здесь. Помер город, считайте. Река когда обмелела, начал народ оттуда уезжать. А после того как его сожгли, и вовсе жизни не стало.

– А кто сжег?

– Уголовные из ссыльных, больше некому, – убежденно сказал Булевский. – Однако доказать не получилось.

– Странно, Александр Константинович ничего мне не сказал.

– Миллер? – догадался пристав. – Да вы, верно, торопились. На пароход. Так?

– Так. Беседа, вы правы, получилась короткой.

– Вот он и не успел. Решение о переносе местоположения властей принято еще в прошлом году. Формальности оказались долгие, но к осени закончим. Вот.

Лыков кивнул:

– Хорошо, это я понял. Но мне все равно надо попасть в Туруханск. Ведь Силин с приятелями бежали оттуда?

– Так точно.

– Я должен изучить обстоятельства побега на месте. Поедете со мной для дачи разъяснений. Как же так вышло, Лев Фердинандович?

– Не моя вина, ваше высокоблагородие! В округе уголовных ссыльных пруд пруди, скоро будет больше, чем коренного населения. Я докладывал, что больше нельзя, надзор будет невозможным, и вот... А рука руку моет. Уряднику сказали, что ушли на работы в Гольчиху и Дудинское, пароходы разгружать. Нужны заработки, мы понимаем... Административно-ссыльные получают от казны ежемесячно пятнадцать рублей, на них еще кое-как, но можно жить. А ссыльнопоселенцам ничего не полагается. Им хоть с голоду помирай. И губернское начальство по нашим ходатайствам разрешило отпускать таких на заработки в пределах округа.

– Как сбежали Африканец с товарищами? Могли они сесть в Енисейском заливе на пароход и уплыть в Европу?

– Никак нет. Проведенным дознанием точный маршрут выяснить не удалось. Молчат, как омули! Никто ничего не знает. Однако побег на иностранном пароходе практически неосуществим. Капитан знает, что это нарушение закона, – для чего ему рисковать? Денег у голодранцев нет, люди они беспокойные... Считаю такой маршрут невозможным[11 - В 1913 году политические ссыльные Штерн (Носков), Соколовский и Кучиновский бежали из Туруханского края на английском пароходе, нанявшись на него матросами. Они высадились в норвежском порту Гамерферст и оттуда перебрались в Париж. Капитан парохода, член английской палаты общин Вебстер был за это арестован российскими властями. Его выпустили из тюрьмы лишь после того, как британский министр иностранных дел Эдуард Грей принес извинения русскому правительству за действия британского подданного.].

– Значит, уголовные бежали вверх по реке? – недоверчиво спросил Лыков. – Но как они сумели преодолеть кордоны?

– Об этом следует спросить караульных, – зло парировал надворный советник. – У меня, ваше высокоблагородие, под управлением земли с пол-Европы. Разве за всеми углядишь? Штаты смешно сказать какие. Оклады жалованья еще смешнее. Чего они там, в Петербурге, хотят? Приехали бы да сели на мое место, а я бы посмотрел, как они управятся!

Было ясно, что «они» для Булевского – это в том числе и Лыков.

– Отложим разговор, – примирительно сказал командированный. – Но в Туруханске продолжим его. Я должен дать отчет товарищу министра генералу Курлову. Если считаете себя невиновным, дайте аргументы. Настоящие, а не про пол-Европы.

Алексей Николаевич не собирался куковать у черта на куличках. Провести быстрое дознание – дело двух дней. Дольше пароход задерживать нельзя, а подниматься по течению до Красноярска в собачьей упряжке сыщик не собирался. Он велел Булевскому сообщить капитану «Мономаха», что отплытие назад состоится по решению коллежского советника. Требование являлось незаконным, но в Сибири проходило и не такое.

Быстро вымывшись в бане и пообедав, питерец вернулся на судно. Его уже ждали и тут же снялись с якоря. Пристав сопровождал столичное начальство и покрикивал на капитана и матросов. Действительно, тут он был царь и бог...

Монастырское находилось на правом берегу Енисея, а Турухан впадал в него слева. Пароход развернулся против сильного течения и зашел в устье притока. В Енисей с другой стороны впадала Нижняя Тунгуска, и ширина реки достигала шести верст, поэтому маневр не составил затруднений. Как только вошли в Турухан, пароход резко сбавил ход. Подниматься не спускаться... Кроме того, речка оказалась засоренной карчами, «Мономах» принялся лавировать. На носу стоял боцман и лотом измерял глубину, сообщая данные на мостик.

Так они плыли целых пять часов, а поднялись лишь на двадцать верст. Пешком было бы быстрее, подумал Лыков. Но присмотрелся внимательно и понял, что ошибся. Лес по обоим берегам стоял редкий, то и дело проглядывали обширные болота. Севернее начиналась Тазовская тундра, она и формировала пейзаж. Еще много попадалось озер, и все они имели правильную круглую форму. Гость спросил у хозяина, почему так. Тот ответил по-солдатски:

– Не могу знать! Местные называют их – шары. Они здесь повсюду и такие, словно их циркулем чертили...

Вскоре стоять на палубе стало невозможно. Налетели такие полчища комаров, которые возможны лишь в Сибири. Полицейские спрятались в каюте. Унылые виды, медлительность хода, гнус – все навевало невыносимую тоску. «Я-то скоро уеду, а как тут люди годами живут», – думал про себя Лыков.

Наконец пароход встал окончательно. На берег полетела сходня. Капитан доложил:

– Дальше фарватера нет, слишком мелко.

Откуда-то выскочил бравый малый кавказской наружности и доложил Алексею Николаевичу:

– Ваше высокоблагородие! Помощник пристава, не имеющий чина Кибирев явился в ваше распоряжение!

Булевский пояснил:

– Это мой ближайший подчиненный, осетин по нации. Я послал его приготовить илимку с собаками. Дальше будем на ней добираться.

Начальство уселось в лодку. Чалдоны толкнули ее на воду, один сел к рулю, остальные двинулись пешком – подгоняли собак. За ними поспевал не имеющий чина.

Собаки продвигались вверх по реке намного быстрее парохода. Через два часа, когда начиналась серая полярная ночь, полицейские оказались в Туруханске. Кибирев теперь шел впереди и показывал:

– Тут была лавка купца Кашина. А тут, ваше высокоблагородие, меховой склад Зеликсона. Тоже был...

Лицо у помощника пристава было опухшее, и питерец спросил:

– Что с вами? Гнус?

– Так точно! Со вчерашнего дня в тайге, дожидался на берегу вашего прибытия.

– Лев Фердинандович! – укорил гость Булевского. – И зачем это нужно было? Пожалейте людей. Дождались бы мы, пока пришлют лодку из города.

Тот осклабился:

– Знаем, как гостей принимать... А этот пусть, чего его жалеть...

Туруханск поразили Лыкова своим видом. Всюду были разруха и запустение. Десятки, если не сотни домов стояли брошенные, без крыш, без дверей и окон. Только кое-где на порядке попадалась жилая изба самой бедной наружности. Людей не было видно, лишь собаки лаяли на новеньких. Да и то вполголоса, будто по обязанности. И это Новая Мангазея, столица провинции с семнадцатого века... Бывший уездный город, бывший главный меховой торг всей Сибири. Сюда на Петропавловскую ярмарку съезжались купцы от Москвы до Кяхты. Теперь все это было в прошлом.

Начальство уселось в здании полицейского управления. Там уже чадили дымокуры, выгоняли наружу гнус. Лыков с наслаждением снял с себя накомарник. Услужливый осетин тут же поставил перед ним стакан с горячим чаем и бутылку водки – на выбор. Все у помощника пристава было подготовлено заранее, и питерец от души поблагодарил его.

Далее Лыков провел формальное дознание. Он вызывал по одному тех, кто был причастен к побегу Африканца, задавал вопросы, уточнял, иногда проводил очные ставки. Сыщика интересовало, как могли четыре человека убежать из такого гиблого места и не попасться. Понемногу картина начала проясняться. И помог в этом все тот же Кибирев. Алексей Николаевич сразу почувствовал какое-то напряжение между приставом и помощником. Булевский старался свернуть интересные разговоры, торопил с отъездом, обрывал слишком откровенных рассказчиков. Говорил, что все уже изложил в рапорте, который отослал губернатору, но в Монастырском у него имеется копия и он предоставит ее в распоряжение ревизора. Там есть ответы на большинство вопросов. И вообще пора возвращаться, ночевать тут негде...

Осетин же, наоборот, домогался от свидетелей подробных и точных ответов. Скоро коллежский советник понял, куда клонят эти ответы. Урядник и два стражника сообщили, что Африкант Силин часто навещался в Монастырское, с тех пор как туда перебралось управление полиции. Он имел заручку у письмоводителя управления Мелентия Непогодьева. Не иначе, тот помогал налетчику с бумагами, потому как официального разрешения на работы тот не просил. Письмоводитель в этих местах – большой человек. У него на руках бланки, печати, он всегда может подsunуть приставу на подпись нужный документ.

Продавец магазина фирмы «Ревельон» показал, что у Силина имелись денежные суммы, и немаленькие. Налетчик купил даже граммофон с пластинками! И подарил его Непогодьеву, каковой факт письмоводитель пытался скрыть.

Ссылнопоселенец Шумилкин, из киевских воров, был за что-то обижен на Африканца и сообщил важные факты. Перед тем как сбежать, тот похвалялся за бутылкой водки, что у него «куплена вся полиция, начиная с головы». И только помощник приставы, кавказская цаца, пока кочевряжится. Но управа на него найдется, сверху прикажут, и никуда не денется.

Пристав сидел красный, как рак, и пытался ошельмовать свидетеля. Разговор принял опасный для него характер. Но вор держался смело, слишком смело для своего положения. Лыков не мог объяснить себе такую откровенность перед приезжим ревизором. Тот уедет, а надворный советник Булевский останется. Наконец на третьем часу дознания выяснился важнейший факт. Алексей Николаевич спросил у полицейских:

– Где сейчас Непогодьев? Надо его срочно допросить.

– Он отпросился на охоту, – торопливо ответил пристав.

– Вот как? А кто ему разрешил? – с нажимом спросил Лыков.

– Я.

– Вы? Зная, что из Петербурга к вам едет проверяющий?

– Так он через четыре дня вернется. Я телеграфировал в Красноярск, выяснил, что вы на «Мономах» не попали, и отпустил Непогодьева. Думал, вы позже придете, и он успеет.

– А то, что я на илимке пустился догонять пароход, вам в Красноярске не сообщили?

– Э-э... Я подумал, что не догоните.

– Как вы могли так решить? У вас побег за побегом, из столицы выслали ревизию, а письмоводитель вздумал поохотиться. Прошел бы ее, тогда и гулял бы.

– Я не подумал о ревизии, – фальшивым голосом произнес Булевский. – Отправил рапорт губернатору, тот ничего не ответил... Мало ли их бежит?

Кибирев смотрел коллежскому советнику прямо в глаза; казалось, он сейчас подмигнет.

– Когда ваш Непогодьев вернется? – в голосе ревизора звучало отчетливое раздражение. – Я не собираюсь торчать тут четыре дня. Срочно отзовите его в Монастырское. Сумеете?

Пристав молчал, и тогда за него ответил помощник:

– Не получится, не для того уплывал.

– В каком смысле?

– Ни на какой он не охоте, а сбежал. Непогодьев в понедельник сел в моторную лодку Министерства путей сообщения, что возвращалась в Красноярск из Карского моря. Они промеры делали. Смерили – и домой. Вот письмоводителя по пути захватили. Вместе с варшавьяками.

В комнате повисла тишина, потом Булевский заорал диким голосом:

– Тебе кто разрешил поперед начальства говорить, туземная рожа?! Молчать!

– Я разрешаю, пусть докончит мысль, – хладнокровно осадил «туруханского царя» сыщик. – Продолжайте, господин Кибирев. Как вас по имени-отчеству?

– Иван Игнатьевич, ваше высокоблагородие.

– Говорите мне Алексей Николаевич. Так что там с варшавьяками?

– Блонский, Пшибышлавский и Леймер. Три револьверца проживали в округе. Первые двое – в Диксоне, а Леймер – в Толстом носе.

– Это из банды «Червоный Круль», что ли? – воскликнул Алексей Николаевич.

– Так точно.

– И?..

– Сели они с Мелентием в ту лодку и отплыли вверх по реке.

– А документы?

Помощник пристава хмыкнул:

– Этого добра им Мелентий сколько хочешь нарисует.

Лыков повернулся к приставу:

– Про этот побег вы тоже сообщили в Красноярск?

– Не успел. Собственно, я и не знал! А...

И Булевский опять заорал на помощника:

– Почему мне не доложили? Я отстраняю вас от должности!

– Отставить! – повысил голос питерец. – Вот, потрудитесь прочесть вслух.

И он вручил приставу свой открытый лист. Тот развернул бланк и срывающимся голосом прочел о полномочиях командированного. Все чины МВД обязаны оказывать содействие... выполнять распоряжения, отданные в рамках исполнения возложенного на него поручения... знакомить с документами... Внизу стояла подпись Столыпина.

- Ну, поняли?

- Так точно, понял, - вытянул руки по швам надворный советник.

- Тогда слушайте. Вы временно отстранены. Не Кибирев, а вы. До завершения разбирательства. Выйдите в соседнюю комнату. Скоро мы здесь закончим и вернемся в Монастырское. Там оформим ваше отстранение, я телеграфирую Курлову. Еще губернатору, он должен уже прибыть. На вашу переписку я накладываю арест до завершения следствия. Все бумаги опечатаю. Если есть что сказать в свое оправдание, говорите.

- Это все Ванька, он давно хочет меня подсидеть.

- Что Ванька? Он помог сбежать полякам? И он дал слишком много воли письмоводителю? Идите.

Как только Булевский вышел с гримасой оскорбленного достоинства на лице, Кибирев сказал:

- Правильно, ваше... Алексей Николаевич. Обыск, непременно обыск. И деньги найти, Мелентий с ним делился. Но деньги пристав не дома прячет, я уверен. А у своей любовницы Серафимы Мухиной. Там тоже надо обыскать. Разрешите, я лично?

- Рассказывайте, что у вас здесь творится, Иван Игнатьевич. С самого начала.

- Да вы уж все поняли. Бегут от нас за деньги, махинация отлажена. У кого нет за душой, тот сидит. С ума сходят многие...

- Давайте ближе к делу.

- Слушаюсь.

- Давно это у вас завелось?

Помощник пристава понурился:

- А что я мог сделать? Булевский мне ходу не давал, все бумаги только за его подписью... И выехать отсюда ни-ни. На Гыданский полуостров, к полюсу - пожалуйста, а в Красноярск, сказал, и думать забудь.

- Я вас спросил о другом.

- Давно, Алексей Николаевич. Третий год.

- Дела... И сколько за это время ссыльных утекло? Через отлаженную махинацию.

- За полсотни. Эсеры своих бойко вытаскивают, социал-демократы, финляндцы. Это из политических. Варшавьяки денег никогда не жалели, любимые клиенты были у Непогодьева. Потом дашнаки, армянские боевики. Этих не поймаешь, политические они или уголовные.

- Анархисты еще не пойми кто, - поддакнул Лыков. Но осетин возразил:

- Нет, для побегов организация нужна. Анархисты каждый сам за себя.

- Хорошо. Кто из социал-демократов чаще бежит - беки или меки?[12 - Беки - большевики, меки - меньшевики.]

- Беки. Они злее.

- Хоть что-то вы пытались сделать? - не удержался от укора Лыков.

- Писал товарищу, он канцелярский служащий в губернском жандармском управлении. Тот сказал: сиди и не чирикай. Губернатора меняют, придет новый, тогда и подумаем. Хорошо, что вы приехали...

Коллежский советник понимал, что помощник пристава топит своего начальника. Это производило неприятное впечатление. Но с другой стороны, нужно было исправлять ситуацию. Похоже, Булевский не просто запустил дело, а изменил присяге с целью наживы. Измену требовалось доказать, и для этого имелись нужные люди. Но они далеко, за тысячу восемьсот верст отсюда. А пока суд да дело, кто будет управлять огромным краем? Его нельзя бросить ни на день, иначе ссыльные окончательно разбегутся. Вот Кибирев и станет пока исправлять должность, до утверждения губернатором.

Пора было возвращаться в Монастырское. Лыков напоследок собрал всех наличных ссыльных бывшего города и выслушал жалобы. Люди говорили одно и то же: работы нет, жить не на что. Чалдоны если и нанимают кого, то лишь за еду. Сытым будешь, но денег не получишь. С рыбной ловлей та же история: закупка для городов два месяца в году, а потом чем заняться? Разрешение на отлучку в пределах Туруханского отдела кое-как дают, но тут нигде не нужны рабочие руки. Хорошо платят на золотых приисках. Однако туда как раз не отпускают. Хоть с голоду подыхай!

Что скажешь усталым озлобленным людям? Не надо было воровать и делать революцию? Алексей Николаевич записал претензии и обещал передать их губернатору. И покинул Туруханск.

Обратный путь оказался легче. Ветер дул не с болот, а со стороны Енисея, и комаров по сибирским меркам было немного. Когда дошли до парохода и поднялись на палубу, оказалось, что она вся забита людьми и пожитками. Это очередные эмигранты из Туруханска ехали на новое место жительства в Монастырское.

– Скоро тут совсем никого не останется, – вздохнул Кибирев.

Когда добрались до села, Булевский удалился к себе на квартиру. Алексею Николаевичу пришлось делать там обыск. Заодно он допросил бывшего пристава. Пришлось обходиться без постановления судебного следователя. По закону, в случаях, не терпящих отлагательства, сыщик имел на это право, и ковал железо, пока горячо.

Еще он отослал две длинные телеграммы. В одной сообщил начальству о том, что своей властью отстранил пристава отдела от должности за преступную

халатность. И объяснил, в чем она выразилась. Дешу он адресовал Курлову, Зотову и губернатору Бологовскому. Начальство пусть само решает, как правильно оформить действия коллежского советника.

Вторую телеграмму Лыков послал по всей коммуникационной линии Монастырское – Красноярск. В ней он предписывал арестовать письмоводителя Непогодыева и трех поляков. Сообщались приметы беглецов. Когда Иван Игнатьевич прочел эту дешу, то сказал:

– Поздно. Они уже ускользнули.

– Моторная лодка еще не успела добраться до Красноярска. Прошло только четверо суток.

Кибирев покачал кудрявой головой:

– Беглецы не дураки, понимают, что в Красноярске их уже будут ждать. Они свернули в Верхнюю Тунгуску. Там спустятся, сколько хватит возможности, а потом посуху пойдут в Иркутск.

– Почему именно в Иркутск? – встрепенулся Лыков. – Кстати сказать, часть пути к вам я плыл в компании штабс-капитана Сухобруса. Знаете его?

– Так точно. Начальник Вороговского кордона. Добросовестный офицер, японцами раненный.

– Про рану он ничего мне не сказал. Зато выдвинул предположение, что где-то в Восточной Сибири есть потайное место, в котором отсиживаются беглые. Выжидают, пока полиции надоеет их искать. Заодно лечатся, кто больной, меняют наружность, запасаются документами. Ничего не добавите к словам Ивана Остаповича?

Осетин энергично поддержал версию штабс-капитана:

– Я потому и говорю так уверенно про Тунгуску. Иркутск ведь стоит на ней; правда, там она называется Ангара. А город ох какой непростой... Оттуда куда хочешь можно податься: или в Харбин, или во Владивосток, или в европейские

места.

– Сухобрус назвал убежище санаторией. Мы в Департаменте полиции говорим: номера для беглых. Но точный адрес, имя содержателя, пароли, подводчики – ничего не известно. Само существование притона только предположение. Как нам его найти?

– Номера для беглых... – задумчиво повторил осетин. – А название правильное. Или санатория – тоже подходит.

– Так что скажете? Нет каких-то подсказок или догадок?

– Догадка имеется. Мы тут промеж себя тоже обсуждали. Есть беглые, так сказать, бестолковые. Дают стрекача наобум, без денег, с дурными документами. Таких мы быстро ловим. А есть хитрые и смекалистые. У них и деньги в наличии, и бумаги комар носу не подточит. Но этого для успеха мало. Нужны еще люди, которые подберут пути следования. Сопроводят, укроют на этапах. Сменяют прокисшие паспорта на свежие. И доставят через обходные тропы в санаторию.

– Ага, – оживился сыщик. – Кажется, я вас понял. Вы хотите сказать, что санатория, чтобы быть успешной, нуждается в агентах. Так?

– Именно. Причем агентов должно быть много. Они повсюду на маршруте, у них связь, пароли-явки и свои люди в каждой полиции, навряде нашего продажного Непогодьева. Вот что я имел в виду.

Слова осетина захватили питерца. Неужели он прав? Целая организация с представителями во всех важных пунктах, где сильный надзор. С явочными квартирами, по которым, как эстафету, передают беглеца с рук на руки. Почему нет? Такие организации много лет существовали у бегунов[13 - Бегуны – одна из самых законспирированных раскольничьих сект.]. А народники с их ячейками в каждом крупном городе? Тут же кто-то придумал штуку похитрее. Способную давать доход. Сибирь наводнена людьми, которые спят и видят, как бы отсюда убраться. Многие готовы за это платить. У других имеются сильные и денежные покровители, согласные выкупить своего человека. Лыков знал, что крупные антиправительственные партии создали у себя специальные органы, отвечающие за вызволение арестантов из мест заключения. Спрос есть, значит,

есть и предложение. Уже не в первый раз всплывает Иркутск как базис номеров для беглых. Фактов никаких, но не просто так называют именно этот город. Надо ехать, разбираться.

До отплытия «Мономаха» оставались сутки. Лыков обложился бумагами, конфискованными у пристава. В запечье у его любовницы Мухиной Кибирев отыскал семнадцать тысяч рублей! Ни баба, ни сам пристав не могли внятно объяснить происхождение этих сумм. Видимо, они не ожидали побега письмоводителя и не успели спрятать улики. Кое-что удалось найти и на Мелентия. Он готовился к побегу и сжег все лишнее. Но в почтовой конторе остались копии полученных им телеграмм. Алексей Николаевич просмотрел их и обнаружил, что Непогодьев накануне обменялся пятью депешами с неким Самсоном Родонаем. Телеграммы он посылал в Иркутск! И фамилия нерусская, похожа на грузинскую. Возможно, это была ниточка.

Закончив дела, Алексей Николаевич сел на пароход и дал команду отчаливать. В Монастырском никогда не видели человека в чине шестого класса, поэтому все пожелания сыщика расценивались как приказы. Радостный – дорвался до должности! – Кибирев ублажил ревизора, как мог. Лыкову в дорогу положили варенье из кислицы[14 - Кислица – красная смородина.], жирной енисейской сельди, туруханских омулей и хайрюзов[15 - Сейчас говорят – хариусы.]. «Мономах» дал свисток и пустил дым не хуже паровоза. И отчалил. Гора с белой церковью на макушке стала медленно удаляться. Мелькнули остяцкие чумы на берегу, между ними стоял исправляющий должность пристав и махал фуражкой. Все, прощай, Туруханск.

Когда столица ссыльного края скрылась из виду, Лыкову стало легче. Он выпил водки в буфете, закусил селедкой – сделалось еще легче. Как люди живут в этих гиблых местах годами? Сыщик отогнал тяжелые мысли, ему надо было думать о другом: следовало продлить ревизию.

«Мономах» шлепал по воде целую неделю, прежде чем добрался до Красноярска. В Енисейске Алексей Николаевич сошел на берег и послал в Петербург телеграмму. В ней он излагал директору департамента свой план. Уж коли сыщик оказался в Восточной Сибири, следовало воспользоваться этим. И поручить ему поиск номеров для беглых. Косвенные улики указывают на Иркутскую губернию. Само прибежище где-то в глубинке, не в городе, но концы наверняка там. Коллежский советник сам напрашивался на длинную и заведомо неблагодарную командировку. Неизвестно, получится ли у него справиться с

задачей. Но если кто в департаменте и может провести такое дознание, то лишь Лыков. И начальство это хорошо понимало.

Кроме того, Алексей Николаевич предложил Зотову согласовать командировку с Курловым. Тут был подтекст. Сыщик показывал товарищу министра, что не боится ни дальних поездок, ни ответственности. И даже ищет сложных поручений. Шталмейстер думает, что наказал строптивного подчиненного, послав его в Туруханск. А тот взял и шагнул еще дальше. Выяснив важные обстоятельства, Лыков добровольно застревал в Сибири на неопределенный срок. Для пользы дела, без понукания начальства.

Сойдя с парохода в Красноярске, коллежский советник первым делом явился на телеграф. Там его ждали две депеши. Первая была от Азвестопуло. Сергей сообщал, что у них с Марией родился сын, крепкий и здоровый. Орет басом с утра до вечера, но добродушно. Крестили ребятенка Алексеем, понятно, в честь кого. Помощник звал шефа быстрее вернуться домой, чтобы обмыть долгожданное событие. Он еще не догадывался, что Лыков решил остаться за Уралом надолго. И скоро потребует к себе помощника.

Вторая телеграмма была от Зотова. Директор Департамента полиции сообщал, что предложение Лыкова одобрено наверху. Генерал-губернатору Восточной Сибири Селиванову послано предписание: оказать полное содействие ревизии коллежского советника Лыкова. Тот должен проинспектировать вновь созданное в cadre иркутской полиции сыскное отделение – и проверить его в деле. А именно, найти с помощью тамошних сыщиков санаторию для беглых. Там же на телеграфе питерца ждали триста рублей прогонных и новые полномочия. Под ними опять стояла подпись Столыпина.

Глава 4

Первые шаги в столице беглых

Алексей Николаевич сошел с поезда на иркутский дебаркадер ранним утром 28 июля. Его встречали. Мужчина лет тридцати пяти, основательный, с пытливым взглядом, снял шляпу:

– Позвольте представиться, ваше высокоблагородие: коллежский регистратор Аулин Бернард Яковлевич, начальник иркутского сыскного отделения. Разрешите доставить вас к губернатору.

– Сначала я хотел бы заселиться, – доброжелательно улыбнулся Лыков. – Не ехать же к его превосходительству небритым. Какую гостиницу порекомендуете? Я в вашем городе ничего не знаю. Был один раз, давно и проездом...

Аулин поправил гостя:

– Иркутский губернатор Гран состоит в чине статского советника.

– Ну к его высокородию. А меня зовите без чинов, Алексеем Николаевичем. Что насчет гостиницы?

– Я бы посоветовал «Деко». Ее у нас еще именуют Польской. Раньше «Деко» содержали паны и установили хорошие порядки. Чисто, буфет что надо, электрическое освещение. Всего двадцать восемь номеров, и находится на лучшей улице.

– Поехали.

Сыщики вышли из нового, пахнувшего краской здания вокзала. Особняком от биржи извозчиков стоял полицейский экипаж. Они уселись в него и тронулись. Питерец с интересом крутил головой, осматривал незнакомый город. В 1883 году Лыков действительно был здесь – пришел по этапу под видом «спиридона-поворота»[16 - См. книгу «Между Амуром и Невой». «Спиридоны-повороты» – высылаемые полицией к месту приписки.]. Вспоминать ту командировку не хотелось. Лихой коллежский ассессор чудом вернулся из нее живым...

Пролетка сначала поехала вдоль путей назад. Строения кругом были неказистые, в глаза бросалось большое количество портерных, пивных и трактиров. Возле них терся народ полууголовного вида. Некоторые провожали полицейских недобрыми взглядами, а один даже погрозил вслед кулаком.

– Публика тут у вас... – заметил приезжий.

– Это Глазково, самое криминальное место, – пояснил Аулин. – И дело не только в вокзале. При вокзалах всегда толчется всякая дрянь. А тут целая слобода. Большинство, конечно, мещане с железнодорожниками. Но и жуликов в избытке. Притон на притоне. Но мы сейчас переберемся на правый берег, в лучшую часть, там попрличнее.

Экипаж повернул направо, пересек рельсы по виадуку и выехал на понтонный мост. Широкая и стремительная Ангара удивила Лыкова: живая, светлая, какая-то удивительно чистая. Он поделился наблюдением с Аулиным.

– Как же иначе? – ответил тот. – Она же из Байкала вышла. А там знаете какая вода? Питьевая, вкуснее не бывает. Смотришь в реку, все камешки на дне видать! Это вам не Волга с Невой.

Когда открылась панорама города, коллежский регистратор стал указывать гостю достопримечательности:

– Набережная у нас знатная, и многие лучшие дома видны. Вон справа – видите? Памятник покойному государю, только в этом году открыли.

Иркутянин прыснул и прикрыл рот рукой:

– Когда торжество было, случился конфуз. Памятник, как водится, закрыли белым полотном. Сказали речи, потом дернули за веревку, а полотно не спадает! И так, и эдак – ни в какую. Пришлось пожарных вызывать; с лестницы снимали.

Аулин сделал серьезное лицо и продолжил рассказ:

– Рядом с памятником – дом генерал-губернатора. А с другой стороны улицы – здание Сибирского отделения Императорского Географического общества, знаменитое своей архитектурой, и с музеем. Оттуда к нам ежели смотреть, видна золотоплавильная лаборатория. Важнейшая! Одна на всю Сибирь. Ну храмы торчат... в смысле, возвышаются. Долго рассказывать какие.

Лыков отметил про себя, что храмы у начальника отделения «торчат». И зовут его Бернард, такого имени в православных святцах нет. Но расспросы о личности он пока отложил.

Так, за разговорами, спутники оказались на правом берегу. Пролетка полетела по мощеной набережной. Вблизи она оказалась не такой парадной, какой виделась с моста: пристани, склады, штабеля дров. Но вот открылся благоустроенный бульвар, за ним памятник Александру Третьему, и они выехали на широкую нарядную улицу.

– Называется Большая, – не без гордости объявил иркутянин. – Самая лучшая улица во всей Восточной Сибири. Смотрите, какие дома! А городской театр!

Копыта лошади звонко застучали по мостовой. Лыков всмотрелся в покрытие и удивился:

– Булыжник у вас какой мелкий... Почти как галька.

– Из Ушаковки извлекают, потому и мелкий. Другого здесь и не водится.

– Ушаковка – это река такая?

– Точно так, Алексей Николаевич. Впадает в Ангару напротив Московского тракта, с правой стороны. Так себе речонка, но она разделяет центральную часть города и Знаменское предместье. Еще булыжник в ней копают, такие ямы нарыли, что прости господи...

Они ехали, а дома вокруг становились все лучше и параднее. После театра слева показался забор, а напротив него – лютеранская кирха. Здесь Большую улицу пересекала не менее приличная, тоже замощенная.

– Русско-Азиатский банк тут будут строить, – коллежский регистратор кивнул на забор. – Я видел проект: необычное здание, со статуями. А поперек пошла Амурская, другая главная улица. На Соборную площадь выходит. Ну да разберетесь потом. Я вам экскурсию проведу. Город у нас купеческий, из заводов главные – пивоваренные. Но богатеев много. Взять того же Второва. Он хоть и переехал в Москву, мы по-прежнему считаем его иркутянином. А так – народ с хитрецой, но и с совестью. В распоряжении городской думы находятся девятнадцать капиталов, пожертвованных разными лицами на благотворительность. Общая сумма тех капиталов – шесть миллионов рублей! Не знаю, есть ли другой такой город в империи.

– Экскурсию – это хорошо, – поддержал мысль хозяина гость. – Но тогда и по притонам тоже. По криминальным слободам и окраинам, а не только по казовым проспектам.

– Как прикажете, – с запинкой ответил Аулин.

Они подъехали к элегантному корпусу Польской гостиницы. На первом этаже размещались «Варшавский магазин» и буфет, номера были на втором. Лыков взял дорогой четырехрублевый номер окнами на двор. Усадил спутника внизу пить кофе, сам быстро умылся и побрился, после чего местный сыщик повез приезжего представляться губернатору.

Дом начальника губернии располагался на Шалашниковской улице. Та же пролетка довезла полицейских до конца Большой и повернула направо. Аулин называл по дороге именитые купеческие фамилии, многие из которых гремели и в столицах. Все они имели на главном проспекте или магазин, или пассаж, или жилую усадьбу.

Шалашниковская оказалась много скромнее, ее оживлял большой парк. Бернارد Яковлевич назвал его Интендантским садом. Неброский двухэтажный дом губернатора стоял в ограде парка. Здание губернского правления вообще оказалось бревенчатым.

Аулин завел гостя в приемную, представил секретарю. Тут же вышел губернатор и протянул командированному руку:

– Петр Карлович Гран, к вашим услугам.

И провел Лыкова в кабинет. Аулин остался сидеть в приемной.

Внутри оказался еще один человек, высокий, с бойким выразительным лицом:

– Здравствуйте, а я Василий Адрианович Бойчевский, здешний полицмейстер.

Помолчал и добавил:

– Коллежский регистратор.

Лыков назвал себя и обратился к губернатору:

– Петр Карлович, как так вышло? Губернский город, лучший во всей Сибири, а полицмейстер в четырнадцатом классе, ниже некуда.

Гран желчно ответил:

– А я? Начальник губернии – и не генерал. Который год в чине задерживают.

– Но полиция... Как Василий Адрианович команды раздает? Наверняка господа приставы повыше стоят в Табели о рангах.

– Помощник полицмейстера Пирашков – надворный советник, – поддакнул Бойчевский.

– Вот-вот. Это же ненормально.

– А вы, когда будете делать доклад Курлову, и укажите на такое, – все так же сердито посоветовал Гран.

– Сначала надо его поручение выполнить, – напомнил гость. – По итогам доложу, как сочту нужным. Дам всем вам характеристику, само собой.

Иркутянам почудилась в этих словах угроза, и они насупились. Лыков на всякий случай не стал их разубеждать.

– Давайте поговорим о вашей ревизии, – начал статский советник. – Курлов прислал телеграмму, но в ней не все понятно. Вы проверяете полицейское управление в целом и еще особо его сыскную часть. Так?

– Так. И потому странно, что Аулин сидит в приемной. Моя ревизия касается в первую очередь его.

– Пусть посидит, – хладнокровно ответил губернатор. А полицмейстер согласно кивнул:

- Позовем, когда надо будет. И так у него завышенное самомнение...

- Если вы им недовольны, зачем назначали на должность? - осторожно поинтересовался питерец.

- Некого было, вот и назначили. А там поглядим.

Губернатор дал подчиненному высказаться и продолжил:

- Так я насчет ревизии. Товарищ министра упомянул в телеграмме, что у вас имеется еще одно важное поручение. О котором вы сообщите мне лично. И оно, это поручение, будет у Курлова на особом контроле. Соблаговолите пояснить, Алексей Николаевич, - во что именно я вляпался?

- Есть такое, Петр Карлович. Мне поручено выяснить, куда деваются беглые.

- Какие еще беглые?

Лыков вздохнул, помолчал и продолжил:

- Люди непрерывно бегут и из каторжных тюрем, и из ссылки. Многих ловят, а многих и нет. Мы в Петербурге заметили, что в последние три года самые опасные попадают редко. И всплывают сразу в столицах, а часто и за границей, пройдя каким-то образом все кордоны, проверки в поездах, обыски в гостевых номерах...

- Но при чем тут я или Бойчевский? - с нарастающим раздражением спросил губернатор. - Вы на нас хотите это повесить? Час от часу не легче!

Коллежский советник невозмутимо продолжил излагать:

- Как беглым удастся не попасться полиции? Возникла догадка, что где-то в Восточной Сибири есть для них сеть убежищ. Именно сеть. Мы в департаменте назвали их номера для беглых. Приметы таких убежищ очевидны. Они должны располагаться близко от дорог, однако не на виду. Но и в глухом лесу их тоже не поставишь: нужны условия для клиентов. Преступники покидают места заключения налегке, им надо отсидеться, восстановить здоровье, сменить

внешность, получить уход и широкого рода услуги, вплоть до наличия публичных женщин. Целый город понадобится для таких людей! Парикмахер, врач, фотограф, повара с лакеями, специалист по фабрикации паспортов... Все это стоит больших денег. Нужны и агенты повсюду, которые договорятся с заказчиком, проведут нужного человека в секретное убежище, выведут, когда наступит срок. Словом, господа, это организация. И она где-то здесь.

- В Иркутской губернии? - чуть не выкрикнул Гран. - У меня?

- Есть такое предположение.

- А факты тоже есть или только предположения?

- Петр Карлович, - Лыков счел нужным добавить жесткости в голосе, - факты я и приехал искать. А вы мне поможете. Именно этого ждет от вас Курлов.

- Конечно, поможем. Однако как искать то, чего нет в природе?

- Неужели нет? - коллежский советник еще добавил металла. - А вдруг есть? Вы готовы подписаться под рапортом?

- Каким рапортом? - насторожился губернатор.

- Ну, так, мол, и так, приехал некий Лыков и возводит напраслину. Номера для беглых будто бы имеются во вверенной мне губернии. Глупость это, нет у нас никаких убежищ. Куда опасные преступники деваются, я лично не знаю. Но знаю, что в Иркутской губернии им укрыться негде. Дата, подпись.

В кабинете повисла тишина, которую прервал Бойчевский:

- Ваше превосходительство[17 - Бойчевский титулует губернатора не по чину, а по классу занимаемой им должности, как тогда было принято.], догадку из Петербурга мы обязаны проверить. Тут я согласен с господином коллежским советником. Хотя бы для того, чтобы отместить эту догадку, но обоснованно, с аргументами.

– Ну? – Гран по-прежнему смотрел волком. – Как будете отводить? Если из столицы лучше нас знают, что у нас творится... Ох уж эти верхи, у них там такая сильная лупа – все видать!

Бойчевский скосил глаза в сторону командировочного: мол, аккуратнее в выражениях. И продолжил в примирительном тоне:

– Усилиями подчиненной мне полиции мы проверим Иркутск. И даже Иркутский уезд. Исправники покопаются у себя, в других уездах. Надо потряхнуть притоны – они есть, конечно, как не быть? А вот организация... Я о такой не слышал. С берегов Невы ее рассмотрели? Позволю себе выразить удивление. Что ж, поищем. Вместе с Алексеем Николаевичем. Ему потом докладывать Курлову, которого, видимо, уже убедили, что номера для беглых существуют. И именно у нас. Вы только напомните его превосходительству, Алексей Николаевич, наш масштаб. Иркутская губерния разделена на двадцать три стана. Средняя площадь одного стана чуть больше, чем вся Московская губерния...

– Напомню, Василий Адрианович, – примирительно поддакнул командированный.

– А почему номера не у томичей? – саркастически спросил губернатор. – Или не в Енисейской, в Тобольской губерниях? Только у нас есть ссыльные и каторжные, больше ни у кого? А в Забайкалье, в том же Приморье?

– Там уже ищут другие люди, – вставил фразу Лыков. Тон разговора ему не нравился, но начальника губернии можно было понять. Если выяснится, что догадка питерца верна, легко и должности лишиться.

Услышав, что под подозрением находится не только его вотчина, Гран несколько успокоился. Но продолжил расспросы:

– Что насчет конкретных фактов, Алексей Николаевич? Организация, такая, как вы ее описали, только в голове Курлова существует? Или есть следы?

– Пока больше в области догадок. Но вот факт. Я приехал к вам из Туруханска. Оттуда недавно бежали три опасных налетчика, члены знаменитой варшавской банды «Червоный Круль». Поляки поднялись по Енисею до устья Верхней Тунгуски, вошли в него и как сквозь землю провалились. А тот, кто готовил их побег, письмоводитель Туруханского управления полиции, обменивался

телеграммами с иркутским жителем Самсоном Родонаем. Ничего это имя вам не говорит? Похоже, Родонай и есть агент, который прячет беглых.

Иркутские чиновники воззрились друг на друга. Бойчевский торопливо ответил:

– Я слышал где-то фамилию, но вспомнить не могу. Спросим у Аулина. Позвать его, ваше превосходительство?

Гран отмахнулся:

– Успеется. Я хочу сначала понять, что значит приезд господина Лыкова. Кончилась наша спокойная жизнь или это рядовая ревизия, каких мильен?

– Не совсем рядовая, – подал реплику Алексей Николаевич.

– Значит, особенная? Подсидеть меня приехали, так?

– Фу, Петр Карлович. Губернаторов сейчас снимают просто, без затей. Для этого липовые ревизоры не нужны. Расскажите мне лучше о криминальной ситуации в губернии, надоело воду в ступе толочь.

Как ни странно, этот прием сработал. Докладывал полицмейстер, но Гран слушал его и успокаивался на глазах. Видать, рыло в пуху, если боится любого приезжего. Хотя большинство начальников губернии находятся в таком же постоянном страхе. И думают лишь о том, как подольше продержаться на должности. Про таких даже поговорка есть: положение хуже губернаторского...

Бойчевский держался непринужденно и говорил вполне убедительно. Начал он с себя:

– Я прибыл в Иркутск не так давно, до того служил в полиции города Владимира. Полдня езды от Москвы. Теперь мне до Первопрестольной ехать неделю... А сменил на посту полицмейстера коллежского асессора Баранова. Который сейчас находится под следствием.

– За что?

– А он покровительствовал шайке аферистов, которые мошенничали с грифованными[18 - Грифованные – поддельные.] банкнотами. Меняли их дуракам на настоящие, а когда те начинали подозревать подвох, приезжала полиция и все конфисковывала: и липовые деньги, и подлинные, отобранные у жертв. В шайке это называлось «приехать на разгон». Если ограбленный хотел жаловаться, ему грозили каторгой за фальшивомонетничество. В случаях очень уж больших сумм на разгон приезжал полицмейстер лично...

– М-да...

– А до жулика Баранова полицмейстером был жулик Никольский, – со смешком продолжил свой рассказ коллежский регистратор. – Этот прибыл сюда из Петербурга, где служил в градоначальстве в чине капитана. Не были с ним знакомы?

– Николай Антонович? Бывший пристав третьего участка Литейной части? – сообразил Лыков.

– Он самый.

– Так он у вас осел? Был какой-то скандал, с ним связанный, и его удалили из столицы. Но ведь это было давно, в тысяча девятисотом году!

– К нам прислали голубчика, – подтвердил Бойчевский. – И правил Николай Антонович в Иркутске до самого бунта девятьсот пятого года. Когда по всей России полицмейстеров стали стрелять, как собак, Никольский с перепугу заболел. Возложил свои обязанности на помощника, на Драгомирова. А тому вскоре засадили пулю в спину. Убийцу не нашли. Никольский вышел в отставку и исчез с глаз долой. Вот каково, Алексей Николаич, служить в Иркутске полицмейстером...

Питерец дипломатично сказал:

– Я до поездки в Сибирь почти три месяца провел в Одессе. С апреля по июнь. И тоже насмотрелся. Думаете, там легче служить?

– Конечно, легче, – хором произнесли иркутяне.

– Это можно проверить. Сколько у вас в городе в прошлом году было убийств? Полицмейстер должен помнить такие цифры на память.

– Я помню, – воскликнул Бойчевский. – Пятьдесят восемь.

Лыков ошарашенно молчал. Это было больше, чем в Одессе и Ростове-на-Дону, вместе взятых. Да еще оставалось на Киев. Как же он упустил такую статистику? В Петербурге мало обращали внимания на Восточную Сибирь. От столицы далеко, ну и черт с ними...

– Однако... Похоже, вы правы, а я просто самоуверенный турист. Что с другими преступлениями?

– Все по памяти не приведу, но самые тяжкие извольте: двести шесть грабежей, семнадцать поджогов, двадцать девять побегов из мест заключения.

Гран веско резюмировал:

– Вот так, Алексей Николаевич. А вы говорите – Одесса... Там рай земной в сравнении с нами.

– Э-хе-хе... – Лыков не знал, что ответить. А полицмейстер продолжил:

– Коренные сибиряки нас, приезжих, знаете как называют? Навозные. В смысле, что посторонних привезли и над ними в начальники поставили. А еще от слова «навоз», конечно. Сие тоже не облегчает исполнение обязанностей.

Коллежский советник расправил плечи, сел прямо и заявил:

– Господа! Вижу, что ваш город и впрямь тяжел для несения полицейской службы. Виноват, недооценил. И когда собирался к вам, не посмотрел в отчеты. Времени мало дал на сборы товарищ министра... Но поскольку задание от Курлова получено, надо выполнять. Петр Карлович! Давайте мы с Василием Адриановичем пойдем к нему в управление. Я по преимуществу его гость, а не ваш. От вас попрошу поддержки.

– Будет в полной мере.

- Генерал-губернатор сейчас в городе?

- Выехал в Сретенск. Да и не нужен он пока, без него обойдемся. Он такой, знаете... генерал от инфантерии. У Андрея Николаевича Селиванова дел невпроворот: командующий войсками Иркутского военного округа, наказной атаман Забайкальского военного округа, член совета военного министра... На управление губерниями времени уже не остается, да оно и к лучшему.

- То есть справимся своими силами? - бодро спросил Лыков.

- Надо будет - обратимся. А пока давайте сами. Губернию мы вам просветим, как лучами Рентгена. Исправникам я указания дам. За город отвечает полицмейстер, он в вашем распоряжении. Ишь, номера для беглых... А что, если вы правы и они действительно существуют? Как думаешь, Василий Адрианович?

Бойчевский насупился:

- Теоретически почему бы нет? Услуга нужная. Политические партии должны за нее хорошо платить. Им же требуется своих людей из Сибири вытаскивать. С политиками вполне вероятно. С уголовными вот не знаю - там каждый сам за себя. И потом, откуда у них на это средства?

- Сбежали же три варшавяка, - напомнил командированный.

- Паны - люди серьезные, - признал полицмейстер. - А в Иркутске польское присутствие еще с прошлого века очень сильно. Сколько их сюда сослали за бунты. Кто осел, завсегда своему поможет.

- Дашнаки готовы платить, они ребята денежные, - Лыков стал загибать пальцы. - Контрабандисты, фальшивомонетчики, конокрады, мошенники. У крупных уголовных атаманов, у кого остались помощники на воле, тоже будет спрос на такую услугу. Чтобы бежать и не попасться.

Гран хмыкнул:

- Вот и нашли общий язык. Сначала мы убедили вас, что Иркутск - город особенный. Тяжелый, опасный. А теперь вы доказали нам, Алексей Николаевич,

что и ваша догадка имеет право на жизнь. Я сначала подумал: под меня копаете, высасываете из пальца эту «организацию». Извините, был грубоват... Ну, за дело! В случае чего обращайтесь в любое время дня и ночи.

- А почему все-таки Иркутск называют столицей беглых? Не просто же так?

- Потому, Алексей Николаевич, - ответил за губернатора полицмейстер, - что таково наше местоположение. Пять каторжных тюрем у соседей, в Забайкальской области. Огромный Александровский централ в нашей губернии. Ссылные, можно сказать, под каждым кустом. Плюс каторжники строят две железные и одну колесную дороги. И все, кто бежит из перечисленных мною мест, стремятся попасть в Иркутск. А суньтесь в леса? Там толпы шляются, прямо как в Родительскую субботу на кладбищах. Летучки из котельников насчитывают каждая по десять-двадцать человек...

- Котельников?

- Да, беглых, которые носят на себе котлы для варки пищи. Лето, тепло, вот они и развлекаются, воруют да попрошайничают. К зиме придут сдаваться в полицию. Иных местные убьют с досады и закопают. А мы по весне насчитаем этих «подснежников» чуть не сотню.

- Осенью хуже всего, - подхватил Гран. - Закрываются работы: и рыбные промыслы, и золотодобыча, и дорожное строительство. Армия оборванцев приходит в город. Что им делать до апреля? Есть-то надо. Вот и начинается кошмар для обывателей...

Командированный выразил сочувствие начальнику губернии и откланялся. Полицейские вышли из кабинета чуть ли не в обнимку. В приемной их дожидался Аулин.

- Поехали все ко мне, будем сочинять план, - предложил Василий Адрианович.

- Что за план? - наострил уши начальник сыскного отделения.

- Сейчас узнаете. Господин Лыков приехал не столько нас ревизовать, как следовало из телеграммы Курлова. Он будет искать в губернии номера для

беглых.

И полицмейстер изложил главному сыщику суть лыковской командировки: сжато и точно.

Аулин сразу схватил суть и поддержал питерца:

– Мы также полагали, что где-то эта сволочь отсиживается. Уж больно ловко иные прячутся. Нет их и нет. Все прошерстим, паспортный режим самый злой, каждую ночь притоны трясем – и бесполезно. А позабудем, отвлечемся – они всплывают. Есть у беглецов нора, есть!

– Мой попутчик по Енисею, начальник кордона, назвал эту нору еще изящнее: санатория.

– Тоже подходит, – согласились иркутяне. – Вот только где ее искать?

Троица приехала в городское полицейское управление на Луговой улице и расположилась в начальственном кабинете. Бойчевский потребовал чаю с баранками. Когда служитель принес чай и закрыл за собой дверь, Алексей Николаевич подробно рассказал коллегам о случае в Туруханске. Три опасных бандита сбежали при помощи мелкого канцеляриста. Но тот, при всей своей ничтожности, оказался весьма полезен. А переписывался негодяй с неким Самсоном Родонаем. Что о нем известно иркутской полиции?

Аулин опять думал недолго.

– Родонай? Их два брата, и младшего как раз зовут Самсоном.

– Что они за люди?

– Подлецы первый сорт!

– Бернард Яковлевич, а поподробнее? Ведь это ниточка, может быть. Похожи братья на укрывателей беглых?

– В Иркутске таких похожих хоть в штабеля складывай. Но братаны действительно интересные. Не рядовые злецы, а прямо штаб-офицеры!

– Грузины? Из Кутаисской губернии?

– Точно так. Но каким образом вы догадались?

– Кое-что доходит и до Петербурга, – со значением сказал командированный.

– Кое-что? – с иронией переспросил Аулин. – Так, может, до Петербурга дойдет наконец, что пора прекратить высылать сюда всякую горскую рвань? Нагнали их сотни и сотни. И теперь этого дерьма у нас больше, чем в самом Кутаисе. Пошто нам такая честь? Мне пришлось на абреков особую картотеку заводить!

Лыков примирительно попросил:

– Бернард Яковлевич, сделайте, пожалуйста, обзор криминальной обстановки в Иркутске. Поподробнее.

– Охотно. Глядишь, вам станет понятнее, как мы тут живем.

Аулин набрал в грудь побольше воздуха и начал свой рассказ.

Глава 5

Доклад начальника сыскного отделения

– В Иркутске проживает сто тринадцать тысяч человек, это из сведений о прописке. Думаю, что по количеству умышленных убийств на тысячу душ населения мы занимаем одно из первых мест в империи. Может, даже первое. Меньше сорока в год не бывает уже давно, а в лихолетье недавней революции зашкаливало за семь десятков. При том, что покойников тут принято бросать в Ангару, и многие жертвы уносит аж до Енисея. Где, понятно, их никто не считает.

Лыков кивнул:

- Тяжелая статистика, согласен. В Самаре двенадцать умышленных в год, и это считается очень много для поволжских губерний.

- Двенадцать? – развеселился полицмейстер. – Одно в месяц... Нам бы такую благодать!

Аулин дал высказаться начальникам и продолжил:

- В полицейском отношении город разделен на пять частей. Первая находится в этом здании, ниже этажом, и она самая парадная. В том смысле, что преступность здесь под лупой, много живет богатых купцов, тут банки, главные храмы, и улицы чище, чем в других частях. Вторая сидит на Шалашниковской, откуда мы только что приехали. Она хоть и помещается рядом с губернаторским домом, но совсем другая. А именно более беспокойная. Это оттого, что Вторая часть отвечает за сенной и дровяной базары, вокруг которых честные люди не селятся. А еще в нее входят местности, прилегающие к речке Ушаковке. Где, как говорится, черт плутал и ногу сломал.

- Поподробнее, пожалуйста, – захотел уточнений командированный.

- Ушаковка – граница, отделяющая центр города от Знаменского предместья. Помните, я упоминал о ней? Еще имеется Ремесленная слобода, которая помещается между Ушаковкой и другой дрянной речкой, Пшеничной. Рядом ручей Сарафановка, там хуже всего.

- Притоны?

- И притоны, и постоянные дворы, где селят без прописки, и конокрады те места любят. Так-то в Знаменском живут мещане как мещане. Но, Алексей Николаевич, надо же помнить, что у нас в Иркутске за народ! Половина или бывшие ссыльнокаторжные, или их дети. Которые выросли в тюрьме и по привычкам те же арестанты. Любой соблазнится, когда выпадет случай. Беглого спрятать, грифованный билет обернуть, краденое купить по дешевке – не устоит ни один!

– Да так по всей России, – утешил иркутского сыщика питерский. – Нравственность куда-то вся подевалась после пятого года. А по правде сказать, ее и раньше не было... Но продолжайте, Бернард Яковлевич. Вы остановились на Второй части, портрет ее понятен. А что с Третьей?

– У! Там тоже будь здоров – не кашляй. А все из-за Хлебного базара. Самое криминальное место в городе, ежели не считать окраин. Тут любая квасная, пивная или портерная представляют собой притон. Особенно выдаются в этом восточные люди: те же кутаисцы и их подданные, армяне с греками...

– Греки у вас тоже замешаны? – оживился Лыков. Он мысленно искал, как лучше сунуть в дознание Азвестопуло, если вдруг окажется, что Сергея придется вызывать на подмогу. – Вы мне потом особо доложите об этом народе. Хорошо?

– Да запросто. Так вот, про Хлебный базар. Там их не один на самом деле, а целый большой квартал, где продают что угодно. От Ивановской площади до Базарной шагу ступить негде: мелочная торговля, а еще скупка краденого, толкучка, как в Москве на Хитровке. Вообще же вся сторона по правой руке, если идти по Большой улице от Ангары к Сенному рынку, кормится от темных торговых операций. Там полицию ненавидят столь же рьяно, как и за Ушаковкой. Трудная эта Третья часть...

– Ясно. А Четвертая лучше?

Аулин чуть не сплюнул с досады:

– Чем же она лучше? Иерусалимская гора, Сарайная падь и все остальное, вплоть до Пивоварихи.

– А Пятая часть что представляет?

Оба иркутянина дружно рассмеялись, и полицмейстер ответил за подчиненного:

– Хуже Пятой ничего нет, Алексей Николаевич. Она самая новая, выделена совсем недавно с целью усиления надзора за Глазковским предместьем. Где бандиты устроили себе столицу.

– Не воры, а именно бандиты? – уточнил коллежский советник.

– Там всякой твари по паре, – вмешался Аулин. – Но бандиты заправляют, это верно. Вокруг вокзала все под их рукой. Да и в целом по слободе тоже. Больше всех покойников мы там собираем. Тех, кого до Ангары не дотащили...

– Далее имеется местечко, называемое Порт-Артур, – продолжил лекцию Бойчевский. – Это между Глазковым и рекой Иркут, на том же левом берегу Ангары. Началось оно, как во многих городах, самозахватом. Дума пыталась сломать то, что нищоброды понастроили, да не вышло. Куда девать стольких нарушителей? Пришлось узаконить. Теперь Порт-Артур – еще одна клоака. Криминальная обстановка там хуже некуда. Но вы уж поняли, Алексей Николаевич, что так здесь повсеместно.

– Кроме Первой части, – напомнил слова Аулина Лыков. – Тут вы не исключение, как и во всем остальном. Окраины всюду захвачены уголовными. Полицейский надзор слабее, соблазнов у околоточного больше. Итак, резюмируем: местности вокруг Сенного и Хлебного базаров – раз. То, что за рекой Ушаковкой, – два. Глазковское предместье с Порт-Артуром – три. Самые беспокойные иркутские места. Никого не забыл?

– Дальние окраины надо прибавить, – подсказал начальник сыскного отделения. – Станция Иннокентьевская Сибирской железной дороги, с товарными пакгаузами и селением Подгорное-Жилкино. Формально это уже не Иркутск, но тяготеют к нам. Также множество притонов. Затем местность за селением Кузмиха, выше по Ангаре от увеселительного сада «Царь-Девица». И другие темные места: выселок Лисиха, падь Топка и самострой из землянок на Веселой горе.

– И на все про все у нас, Алексей Николаевич, сто шестьдесят городских и четырнадцать околоточных надзирателей, – вздохнул Бойчевский. – Как хочешь, так и крутись.

– А что с сыскным отделением? – обратился Лыков к Аулину. – Где набрали кадр?

Тот вздохнул еще громче полицмейстера:

– Э-эх! Какой тут может быть кадр? Вот давеча сыскной городской Петр Катков нажрался водки, сел на извозчика и стал разъезжать по городу. Стреляя для развлечения из револьвера. Ну как вам такое?

– Уволили?

Аулин развел руками:

– А где я ему замену найду? Отделение третьего разряда, мне даже помощник не полагается. Три надзирателя и четверо городских – весь мой штат. Жалованье – без слез не помянешь. Аппарат «Бертильон» куплен на частные пожертвования, казна денег не нашла. Ну выгоню я Каткова. Сам же себе службу осложню. На его место никто не придет. А если придут, то еще хуже будут. Так что я оштрафовал дурака на два рубля и оставил.

Бойчевский с раздражением в голосе поддержал подчиненного:

– Вот скажите нам, Алексей Николаевич: как такое возможно? Иркутск всегда был опасным городом. Тут дважды заводили сыскное отделение, оба раза на временных основаниях. Из-за отсутствия денег их быстро закрывали. А какие сыщики были у нас! Яков Кондратьевич Чусов, Николай Дмитриевич Добронравов – легендарные люди... Но без финансирования, без постоянных штатов что они могли сделать? С каждым годом обстановка в городе все хуже. С конца прошлого века Иркутск держит первое место по тяжким преступлениям среди всех российских городов. Десять лет подряд мы в этом отличаемся. А сыскное отделение учреждают третьего разряда! В таком трудном для полицейской службы месте. Чем они там думали в Петербурге?!

– Я предлагал второй, но Министерство финансов переправило, – буркнул Лыков.

– И как нам быть?

– Служить, Василий Адрианович. Как служат все другие. Не нравится – уходите, что вы еще ожидали услышать?

– Но...

- Описанная вами картина одинаковая по всей России.

- А...

Бойчевский покосился на Аулина и махнул рукой:

- Действительно, Бернард, что мы еще ожидали услышать? От столичного ревизора.

Лыков вел такие разговоры уже много раз, и они порядком ему надоели. Министерство финансов вело себя хуже злейшего врага: урезало штаты, снижало жалованье, восставало против усиленных пенсий для полицейских. Поделаться тут ничего было нельзя. Центральная власть сама себе рыла яму с удивительным упрямством. Когда они свалятся в нее, будет поздно принимать меры. И как объяснить это Коковцову?[19 - В. Н. Коковцов - в то время министр финансов.]

- Продолжим, коллеги, - Алексей Николаевич вынул из кармана блокнот. - Братья из Кутаисской губернии, как бишь их там? Родонай. Ниточка для ловли револьверцев и вообще для розыска санатории для беглых. Что у вас на них имеется, Бернард Яковлевич? Валите все, не скупитесь. Агентурное осведомление имеется?

- Нет, и оно невозможно, - отрезал коллежский регистратор.

- Так-таки совсем невозможно?

- Совсем.

- Почему?

Лыков догадывался, что услышит в ответ, и не ошибся. Главный иркутский сыщик стал валить на кастовый характер кавказской преступности. Чужих не пускают, даже говорят между собой на своем языке, постороннему человеку и не подслушать. Сотрудничающих с полицией сразу убивают. Местные жулики у них на подхвате, серьезные преступления им не поручают. И что даст такое осведомление?

– Я понял, – оборвал Аулина питерец. – Сообщите хотя бы те сведения, что имеются. Есть братья-акробаты в вашей картотеке?

Полицмейстер велел принести учетные карточки на обоих братьев. Выяснилось, что они происходят из дворян Зугдидского уезда Кутаисской губернии. Младший, Самсон, был лишен прав и осужден на пять лет за сбыт фальшивой монеты. Отбыв наказание, он поселился в Иркутске, записавшись мещанином. Держал пивную на Поплавской улице и чаевую на Барахольном базаре. Оба заведения пользовались дурной славой. В них спаивали и обирали легковых посетителей, держали тайную проституцию, покупали краденое. Старший брат Федор приехал из того же Кутаиса помогать Самсону в его темных делах. Агентура сообщала, что он выступает курьером между Иркутском и Кавказом: возит туда на продажу наиболее ценную добычу. Еще лихие братья обменивали у дурных солдат на выпивку оружие и патроны и снабжали ими бандитов. То есть выступали наводчиками, организаторами налетов. Доказать это в суде было невозможно: сами Родонаи в опасных делах не участвовали, а кто участвовал – тот их не выдаст. По сообщению осведомителя по кличке Масляный, адрес пивной на Поплавской знали все сибирские кавказцы вплоть до Владивостока. Там они встречались, обсуждали предстоящие грабежи, прятались от полиции, делили добычу... Русских к этому кругу не подпускали на пушечный выстрел.

– Значит, братья Родонай местные «иваны», заправила и вожаки преступного мира, – констатировал Лыков. – Так?

– Можно сказать и так, – согласились с ним иркутские коллеги.

– Тогда они вполне могут быть владельцами санатории для беглых, которую мне велено найти.

Тут местные задумались. Аулин стал рассуждать вслух:

– Конечно, эти стрекулисты берутся за все, что может дать доход. Однако... санатория для беглых... Трудное дело. В Иркутске ее спрятать нельзя. А где-нибудь в уезде – там власти Родонаев нету. Вся их сила – в вооруженных бандах кавказцев. Налететь, отнять, спрятать, поделить – для таких дело привычное. Но тайные квартиры в глуши, на мой взгляд, не по их специальности.

Бойчевский поддержал подчиненного:

– Братья, пожалуй, в самом деле «иваны» в ихней табели о рангах. Здесь, в Иркутске. Ну, с ними считаются по всей Сибири – те, кому нужны наводка и скупка добычи. А санатория ваша такой шушере уже не по зубам. Только местный какой царек способен ее учредить и содержать. В тихом углу, где он – главная власть.

– Пусть так, – согласился коллежский советник. – Но Родонаи, скорее всего, с таким царьком состоят в связи. Бегство поляков на это указывает. К ним же они явились, судя по телеграммам.

– Связь может быть, оно весьма вероятно.

– Так давайте сделаем облаву и в пивной, и в чаевой. Вдруг да зацепим кого?

– Из револьверцев? – опять засомневался Аулин. – Это навряд ли. Они ведь не дураки. Уже перебрались в тот тихий угол, о котором говорит Василий Адрианович.

– Все равно налететь нужно, – заявил полицмейстер. – И для порядку, чтобы кавказцы не задавались. И для осведомления. Общем все тщательно – мало ли какая подсказка попадетсЯ? Краденое накроем да хвост им прищемим.

Однако начальник сыскного отделения возразил:

– Эдак-то лишь для проформы. Отчитаемся: налетели и нашумели, вот мы какие молодцы. Но для дела облава в двух местах ничего не даст.

– Почему же?

– А вот почему, – Бернард Яковлевич зашелестел бумагами. – Гляньте хоть в эти учетные листы. Центр города весь усеян подобными заведениями. Я зачитаю: пивная лавка Головадзе на Кузнечной, квасная Жордания на Сенной, портерная Бебурии на Ланинской улице, трактир Битарашвили на Большой Блиновской... Вот еще две квасные лавки: Шмугия на том же Сенном базаре, и Ахалкалакелова на Пестеревской. Все грузины и заодно с нашими братьями. Если прятать беглых, так они первые и спрячут.

– К чему вы ведете? – не понял Лыков. – К тому, что облава бесполезна и надо оставить, как есть?

– Нет, я имею в виду другое. Если уж чистить, так подряд. Устроить облаву одновременно во многих местах. Чтобы они не перебежали из одного притона в другой. Накрыть всех в один час.

– А сил на это у нас хватит? – одернул подчиненного Бойчевский. – Придется посылать людей сразу по десяти адресам. Иначе нет смысла.

– Скорее даже по двадцати, – ответил Аулин. – Трудно, но можно. Ежели снять уличные посты на три часа, заместив их конными стражниками. И привлечь городских из Пятой части. Тогда получится.

Полицмейстер вздохнул:

– Да, второе змеиное гнездо придется отложить.

Начальник сыскного отделения пояснил питерцу:

– Василий Адрианович имеет в виду Глазково. Там второй центр кавказского засилья, но на него наших сил уже не хватит. Будем шарить только по правому берегу.

Глава 6

Лыков осваивается

Идея масштабной облавы была одобрена, и Аулину поручили ее подготовку. Дня через три полиция громко стукнет по столу кулаком. Лыков в ожидании облавы решил изучить архив полицейского управления: переписку, приказы полицмейстера, рапорты осведомителей. Он хотел лучше понять, насколько действительно опасен Иркутск. К коллежскому советнику прикрепили на время его командировки надзирателя сыскного отделения Франчука.

Уже на третий день пребывания в городе Алексей Николаевич угодил в заварушку. Он шел из полицейского управления к себе в номера, выбирая, где бы поужинать. Его заинтересовал ресторан «Модерн» в подвале гостиницы «Централь» на углу Большой и Амурской. Сыщик потоптался перед входом, но что-то его удержало. Он решил прогуляться по Большой улице пешком и найти заведение поскромнее. Вдруг на углу Шестой Солдатской питерец услышал громкий крик:

- Помогите! Убивают!

Кричала женщина средних лет, наполовину высунувшись из окна второго этажа. Дверь в дом была распахнута, изнутри слышался шум борьбы. Лыков хлопнул себя по боку и браунинга не обнаружил - тот остался в гостинице. Раззява... Не раздумывая, Алексей Николаевич ворвался в дом. Внизу было пусто, драка происходила выше. Сыщик взлетел по лестнице и увидел, как двое кавказцев режут русского, по виду - дворника. Его уже ранили в руку и в бок, но он продолжал отбиваться черенком лопаты. Дела храбреца были плохи: против двух финских ножей долго не устоишь. За спиной дворника продолжала голосить женщина.

Лыков не стал тратить время на окрики, а молча налетел на бандитов. Первый получил крепкую плюху и укатился к лестнице. Вторым, всклокоченным, с бешеными глазами, тут же развернулся и атаковал сыщика. Вид у него был такой, что Алексей Николаевич не счел нужным церемониться. Увернувшись от выпада, он сверху приложил нападавшего в темя. В полную силу, так, чтобы навсегда... Налетчик, охнув, упал лицом вниз. А питерец уже сидел верхом на его сообщнике и выкручивал ему руку за спину.

Через секунду все было кончено. Женщина из двери ошарашенно наблюдала за происходящим. А ничего бабенка, подумал про себя коллежский советник.

- Идти можешь? - спросил он раненого. Тот вдруг икнул и осел на пол, из его бока обильно лилась кровь.

- Бегите на улицу и зовите полицию, живо! - приказал сыщик женщине. Та молча кивнула, проскочила мимо лежащих тел и кинулась вниз.

- И доктора хорошо бы найти! - крикнул ей вслед Лыков. Потом врезал пленному по уху так, что тот потерял сознание, и подошел к дворнику.

- Держись, я тебя перевяжу.

Он разодрал на себе сорочку, быстро затамповал мужику рану под сердцем и туго ее перевязал. Кровотечение сперва остановилось, но вскоре началось снова. Человек угасал на глазах.

- Эй! Не спи! - осторожно тронул его за плечо сыщик. - Айда вниз, не помирай!

Он взвалил раненого на плечо и направился к лестнице. По пути двинул пленному бандиту ботинком в лицо, чтобы подольше не вставал.

На углу уже стояла толпа зевак.

- Доктор есть? - спросил сыщик, укладывая раненого на лавку.

Ему никто не ответил. Тут прибежал, расталкивая народ, городской в сопровождении женщины. Та сразу упала перед раненым на колени:

- Никифор! Что с тобой? Ты же мне жизнь спас...

Видя бардак, Алексей Николаевич начал распорядиться. Он велел соседскому дворнику поймать извозчика и срочно отвезти Никифора в больницу. А городскому приказал:

- Пошли со мной наверх.

- А вы кто такой?

- Коллежский советник Лыков из Департамента полиции.

- Да? - недоверчиво ответил дядька. - А чего у вас с платьем?

– Раненого перевязывал. Давай живее! Там наверху двое налетчиков. Один навряд ли встанет, а второй вот-вот убежит, пока ты тут вопросы задаешь...

Полицейские поднялись наверх. За ними осторожно шла женщина – видимо, хозяйка дома. Городовой увидел нападавших и сообразил. Он потребовал полотенце и связал руки тому из бандитов, который шевелился. Потом осмотрел второго. Тот лежал лицом вниз без движения.

– Вона как...

– Живой?

– Да как сказать, ваше высокоблагородие... Не похож он на живого... Это Малявкин его так уделал? Никифор – парень храбрый.

Тут женщина впервые вступила в разговор:

– Нет, Синеоков, его неизвестный господин поборол. Еще бы секунда, и лежали бы мы с Никифором оба, исколотые.

Женщина всхлипнула, но удержалась от рыданий. Вместо этого она вдруг в пояс поклонилась сыщику:

– Спасибо вам, не знаю, как вас звать. И как благодарить, тоже не знаю.

Полицейский вытянулся перед Лыковым во фронт:

– Городовой Второй части, бляха номер сто пять, Синеоков. Какие будут распоряжения?

– Вызови пристава и сыскных, у двери поставь караул.

– Слушаюсь!

– Живого мы с Аулиным будем допрашивать. А покойника пусть везут на опознание.

– Будет исполнено, ваше высокоблагородие.

Городовой выбежал на улицу, и в комнате остались трое. Связанный кавказец щерился на сыщика, потом сказал с угрозой:

– Зря ты влез, барин. Теперь тебе кирдык.

Он говорил с сильным акцентом, и вид у бандита был жутковатый. Женщина замерла, прижав руки к груди:

– Ну вот, они от меня не отстанут. Господи Боже, что же это такое делается! Как мне дальше жить?

Лыков за волосы поднял кавказца с пола, подвел к хозяйке:

– Кирдык сейчас тебе, дураку, будет. Если не извинишься.

Он руками зажал бандиту нос и рот. Тот забился, но вырваться был не в силах. Через минуту кавказец стал хрипеть, посинел и обмяк. Алексей Николаевич разжал руки.

– Не слышу извинений, генацвале. Сдохнуть хочешь?

И опять перекрыл арестованному воздух. Отсчитал тридцать секунд.

– Ну? Я вас, крысенышей, столько уже задавил. Одним больше, одним меньше... Думаешь, с меня спросят, если ты сдохнешь? Спасибо скажут.

– Не надо, ваше благородие, я все понял, – прохрипел бандит.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

См. книгу «Одесский листок сообщает».

2

См. книгу «По остывшим следам».

3

Всего в документе было пять разделов. Литера «Б» – список лиц, за которыми требовалось установить наблюдение и надзор (без их ареста); «В» – сведения о неопознанных преступниках (с фотографиями); «Г» – перечень лиц, розыск которых надлежит прекращению, и «Д» – список похищенных и утраченных паспортов, служебных бланков документов, печатей и т. п.

4

Зеленые ноги – беглые из мест заключения.

5

Колесуха – Амурская колесная дорога, для строительства которой в 1909 году набиралось большое количество рабочих.

6

В 1909 году Сибирская железная дорога еще была одноколейной.

7

См. книгу «Узел».

8

ЖДЖПУ – железнодорожное жандармско-полицейское управление.

9

Шитик – плоскодонная лодка, крытая в середине. Корпус лодки был сшит ремнями или прутьями.

10

Верхняя Тунгуска – старое название Ангары в нижнем течении.

11

В 1913 году политические ссыльные Штерн (Носков), Соколовский и Кучиновский бежали из Туруханского края на английском пароходе, нанявшись на него матросами. Они высадились в норвежском порту Гамерферст и оттуда перебрались в Париж. Капитан парохода, член английской палаты общин Вебстер был за это арестован российскими властями. Его выпустили из тюрьмы лишь после того, как британский министр иностранных дел Эдуард Грей принес извинения русскому правительству за действия британского подданного.

12

Беки – большевики, меки – меньшевики.

13

Бегуны – одна из самых законспирированных раскольничьих сект.

14

Кислица – красная смородина.

15

Сейчас говорят – хариусы.

16

См. книгу «Между Амуром и Невой». «Спиридоны-повороты» – высылаемые полицией к месту приписки.

17

Бойчевский титулует губернатора не по чину, а по классу занимаемой им должности, как тогда было принято.

18

Грифованные – поддельные.

19

В. Н. Коковцов – в то время министр финансов.

Купить: <https://tellnovel.com/nikolay-svechin/stolica-beglyh>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)